

Российский ПИСАТЕЛЬ



ГАЗЕТА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

№ 1-2 (197-198), январь 2009 г.

Тема

Николай Дорощенко

Накануне съезда Союза писателей России

С тех пор, как в Международном Литфонде у нескольких бывших литчиновников не прошла афера с получением в собственность переделкинских дач (каждая из которых, между прочим, стоит миллионы долларов!), многие новости из нашей писательской жизни стали похожими на фронтовые сводки. Достается и нашему Союзу писателей России. Какие-то умельцы изучают под микроскопом чуть ли не каждый наш шаг. И уличают, уличают, уличают...

Например, уже после опубликования в нашей газете решения пленума о созыве очередного съезда Союза писателей России, «Литгазета» добыла один из черновых вариантов этого решения, и, сославшись именно на него, а не на опубликованный текст, торжественно уличила нас: вот же, с неким хитрым умыслом мы предоставили право нескольким литературным изданиям посылать на съезд собственных делегатов!

На самом деле, это право литературным изданиям именно на последнем пленуме было впервые не предоставлено. Хотя, до сих пор они от съезда к съезду этим правом пользовались.

Доходит и до смешного. В дни юбилея в одном из официальных писательских документов было употреблено слово «средостение», и «Литгазета», уже даже и не зная, как налягнуть, в своей публикации, посвященной 50-летию Союза писателей России, указала, что, мол, писатели не знают значения слова «средостение», которое на самом деле является медицинским термином.

Но уже и не смешно. Ведь если мы будем слышать только голоса частных литвладельцев и дельцов от литературы, которым сама литература уже малоинтересна, то и писательское звание в глазах широкой публики будет окончательно скомпрометировано. Откуда этой публике знать, что слово «средостение» в писательском документе появилось как прямая ссылка на слова самого Святейшего Патриарха о преодолении средостения между писателями и Церковью?

Стремление частных литературных изданий, когда-то бывших общеписательскими, вторгаться в жизнь творческих сообществ и от имени своих владельцев сообществом этими руководителями — ни к чему хорошему не приведет. Это избранному на писательском съезде личначальнику надо нести ответственность за каждое свое слово (иначе переизберут!), а частник чем больше дури покажет, тем больший у него будет тираж.

(Окончание на стр. 14)

Имперская культура

11 декабря 2008 года Комиссия по присуждению премии «Имперская культура» имени профессора Эдуарда Володина Союза писателей России, журнала «Новая книга России», Фонда святителя Иоанна Златоуста и ИИПК «Ихтиос» рассмотрела предложения 117 издательств и издающих организаций, творческих и общественных организаций, представивших 837 книг 2007-2008 гг., и по результатам работы объявила имена лауреатов 2008 года.

19 января в Конференц-зале Союза писателей России состоялась церемония вручения премии «Имперская культура», за многие годы объединившей самые яркие имена современной русской литературы и культуры, и потому ставшей сегодня одной из самых престижных.

Имена лауреатов см. на стр. 16.



События

Названы лауреаты премии Александра Невского

20 января 2009 года в Свято-Троицкой Александро-Невской лавре, где покоятся мощи святого благоверного князя Александра Невского, состоялась торжественная церемония вручения премии имени св. князя Александра Невского. Эта единственная в стране учрежденная монастырем литературная премия вручается уже в пятый раз.

«Мы определяем задачу литературы предельно просто: она, как всякое миссионерское служение, должна быть душеспасительна, — сказал

наместник Свято-Троицкой Александро-Невской лавры архимандрит Назарий. — В любом жанре, в любом состоянии необходимо спасать, а не искушать... Русская национальная идея и есть подлинное содержание литературы: православие, державность, народность — всё как и двести лет назад... Да, русская идея — это не то что мы помышляем о России, а то, что изначально Господь промыслил... Наше дело — в меру сил этот Промысел воплощать в жизнь. Вот это и будет душеспасительно...»

(Окончание на стр. 5)

Год Шукшина

Через несколько дней в Алтайском крае состоится торжественное открытие Года В.М. Шукшина

2009 год в Алтайском крае объявлен Годом Шукшина. 25 июля 2009 года Василию Макаровичу исполнилось бы 80 лет. В галерее великих сынов Алтая имя Василия Макаровича Шукшина занимает особое место. Уроженец села Сротки благодаря своему таланту, трудолюбию, внес значительный вклад в отечественную и мировую культуру как актер, кинорежиссер и русский писатель. Он стал ярким примером того, что целеустремленность и воля позволяют осуществить самые смелые планы. Творчество Василия Макаровича ценят и любят не только на Алтае, но и в других регионах России. Ежегодно тысячи людей из разных уголков России приезжают в край для участия во Всероссийских Шукшинских днях. В рамках этого мероприятия проводятся Шукшинский кинофестиваль, творческие встречи с известными писателями, актерами и режиссерами. Завершаются Шукшинские дни на Алтае традиционно на горе Пикет.

В юбилейный год мероприятия, посвященные жизни и творчеству Шукшина, будут проходить в течение всего года.

Старт Году Шукшина будет дан уже через несколько дней. С 22 по 24 января в Барнауле, Бийске и Сротках состоится целый ряд мероприятий, которые ознаменуют торже-



ственное открытие Года Шукшина.

Как сообщили в краевом управлении по культуре, 22 января в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтайского края будут представлены уникальные материалы, которые войдут в новую книгу «Василий Шукшин:

Жизнь в кино», а также пополнят фонд музея. Для сбора необходимых материалов сотрудники музея побывали в Российском государственном архиве литературы и искусства, Государственном центральном музее кино, архиве Всероссийского государственного университета кинематогра-

Память

Константин Скворцов

ПЕРЕДЕЛКИНО

М.Н. Алексееву

Под звон Переделкинской церкви
И песни забытых солдат
В пустыне писательской Мекки
Мы выйдем с тобою, брат.

Все, видно, ветшает на свете,
И только могилы свежи...
И мы — беспризорные дети,
России теперь не нужны.

Давно нам отказано в праве
С богами идти на Парнас.
Мы мир собирались исправить, —
Он правит могилами нас.

Мы счастливы, — вот беда!
Да здравствует Вечный покой.
Пусть только синица и плачет
Над скорбною нашей строкой.

Плачь, плачь... Верещи, моя птица,
Защиты у Бога прося.
Тебя называют синицей,
А ты ведь зелёная вся!

Нас красили те же метели
С эпохой пестрой не в тон.
А, что нас живыми отпели,
Прости их, Всевышний, за то.

Не время теперь и не место
О том сокрушаться, собрат.
Так выйдем!.. Еще неизвестно
По ком там седою звонят.

Статью К. Скворцова о выдающемся русском писателе Михаиле Алексееве см. на стр. 4.

фии им. С.А. Герасимова, архиве Союза кинематографистов РФ, а также встретились с кинематографистами, работавшими вместе с Василием Макаровичем.

В этот же день в Алтайской краевой универсальной научной библиотеке им. В.Я. Шишкова пройдет вечер-портрет «Этот простой сложный человек В.М. Шукшин». В нем примет участие творческая молодежь из литературных и театральных клубов, кружков и студий. Вечером в Государственной филармонии Алтайского края состоится концертная программа под названием «Одна земля, одна дорога». Государственный оркестр русских народных инструментов «Сибирь» имени Е.И. Борисова исполнит музыкальные произведения, связанные с творчеством В.М. Шукшина, сочинения отечественных композиторов, навеянные его рассказами, а также любимые мелодии писателя.

Торжественная церемония открытия Года Шукшина состоится 23 января в Алтайском краевом театре драмы В.М. Шукшина. В числе приглашенных — руководители правительства, различных ведомств, депутаты Госдумы, руководители органов культуры сибирских регионов. Почетными гостями и участниками праздника станут народные артисты РФ Лидия Федосеева-Шукшина, Александр Филиппенко и Валерий Золотухин. Планирует приехать на Алтай и первый лауреат Шукшинской литературной премии Губернатора Алтайского края писатель Виктор Потанин. Откроет Год В.М. Шукшина Губернатор края Александр Карлин.

Праздничные мероприятия, посвященные открытию Года Шукшина, пройдут также в городе Бийске и на родине Василия Шукшина в селе Сротки.

БРАТСКАЯ УКОРИЗНА

*Суд всё ближе,
а мы всё жиже*

О церковных делах чаще всего судят и пересуживают люди нецерковные. О, они знают всё, во всём уверены, всегда правы. Особенно они оживляются, когда есть повод напустить на православных очередные страхи, когда можно выставить себя поборниками чистоты веры. Тут всё годится: перепись населения, табак, ИНН, Диомид... Спросишь их, а в какой храм ходите, а давно ли причащались, они очень обидятся: когда им молиться, они же без передышки борются. Дав нашу церковь, скажут они, и ходить-то нельзя — в ней же сплошь масоны, агенты ФСБ и иудеи. Ты что, спросят они, такой наивный? Кругом же экуменизм, глобализация и сплошная идентификация. Упрёков в ревности не по разуму они не примут. Они, и только они, правы.

И вот — декабрьские события. И вот — ожидание Собора и его главного вопроса — выборов Патриарха. Тут наши поборники особенно оживились. Как это можно их не спросить, кого ставить в Патриархи?

Обсуждаются кандидатуры, сталкиваются мнения. Особенно достаётся Местоблюстителю. И зачем именно он — Местоблюститель? Но, братия, не сам же он захватил это место, он избран Священным Синодом.

А зачем он пригласил Константинопольского Патриарха на отпевание нашего Святейшего? Но Константинопольский носит титул Вселенского, как раз и хорошо, что он возглавлял отпевание. К тому же, святая, молитвенная Гора Афон в Константинопольской Патриархии.

А почему такая спешка в проведении Собора? Какая спешка? Дата назначена опять же не Местоблюстителем, и не на второй день похорон, а после Сорокового дня. А все сороковины, кстати, постоянно служились Литургии и поминальные Литии памяти Святейшего Патриарха. И возглавлял их Местоблюститель. И Рождественское Послание его было прочитано после оглашения Послания Патриарха Алексия. Первое звучало как завещание, а второе как наша общая благодарная память ушедшему в жизнь вечную Первосвятителю.

А зачем он встречается с католиками? Но у него обязанности такие. Тогда давайте ругать министра Лаврова за то, что он встречается с евреями, ведь евреи бомбят палестинцев.

Но всё это нашим борцам, как об стенку горох. К сожалению, бесполезно напоминать им тексты Писания, заветы Святых отцов о смирении, терпении, о молитве. А, говорят борцы, ты к смирению зовёшь, к терпению? Вот такие-то, как ты, и нужны, чтобы не мешать экуменистам губить веру Православную. Молись, молись, домолишься, что и Папа римский к осени в Москву зайвится, и Русскую Православную Церковь переименуют в Православную Церковь России. Да с чего вы взяли? А они где-то слышали, где-то читали, ветром надуло, сорочка на хвосте принесла.

Братья, но это же и есть тот самый ропот, то высокоумие и осуждение, в которых надо каяться, а не тащить смуту в церковную ограду. Страсти обезбоженного мира неприменимы к церковной жизни. Народ Божий участвует в церковной жизни прежде всего главным — христианским образом жизни.

И, основное, разве можно судить священство? Священнослужители выше нас, впереди нас, они ближе к престолу Божию. И с них спросится строже всего и прежде всего, и спросит Сам Иисус Христос. Так что не нам спрашивать своим слабым, земным и заёмным умом.

Разве не нам преподобный Серафим сказал о личном спасении? Но когда борцам думать о себе, они же не эгоисты, они всю Церковь спасают. Но что Её спасать, давно сказано нам, что врата адавы не одолеют Её. Спасай свою душу, да и помни, что малое ста-

до Христово всегда будет гонимо. Но это главное счастье жизни — принадлежать к нему. Оно на Камне веры, озарено Фаворским сиянием, освещено Голгофой. Кровь мучеников взывает к нам и вопрошает: а вы готовы умереть за Христа? Только этой готовностью можно измерить веру православную, а не измышлениями о кандидатурах на патриарший престол.

Пока мы заслуживаем слов одного старого монаха: «Суд всё ближе, а мы всё жиже». И разжижаем мы веру именно в таких ненужных прениях.

Господь нас без Кормчего не оставит. Ещё и то надо заметить, что очень нелегко будет новому Патриарху. Все его шаги невольно будут

приснопамятного дня повсюду зазвучала идущая из самых глубин сердца, единоустная «Вечная память». И отступали скорбь и отчаяние.

«Всем вечно память пропоют, но многих ли потом вспомнят?» — вопрошается в народной песне середины XIX века. Но здесь мы уверены: Святейшего Патриарха Алексия не просто будут помнить, почитать, но будут уже не только за него, но и ему молиться. Говорить с ним по-прежнему, как с живым.

Монахини Пюхтицкого женского монастыря бережно хранят в памяти драгоценные сведения о Патриархе. Именно Пюхтицы были первым монастырём Святейшего. Как он лю-

сах, но стены были основательны и прочны, и это были именно библейские «стены иерусалимские» из пятидесяти псалма. Те, которые ограждают нас от врага нашего спасения. А какие были хоры! Церковные и хор Министерства обороны. И как молился с нами наш Первосвятитель, Предстоятель за веру Православную в России и во всём мире. Осенял нам своим благословением и просилу Бога сберечь «виноград сей», который насадила Десница Господня.

А сколько было благодатных, целительных очередей к Храму, когда в Москву привозили мощи святых. Святого апостола Андрея Первозванного, Алексия — Божьего человека, свя-

Дождь всё не прекращался. Будто на небесах непрестанно служили молебны и освящали воду для нашего окропления. Мы, омытые небесной влагой, воспринимали её как Божию милость.

Общезвестны тысячи и тысячи Богослужений Патриарха, сотни и сотни его поездок по епархиям, по странам и континентам, и неисчислимое количество его встреч с людьми, начиная от сироток в детских домах и заключённых в тюрьмах до первых лиц многих и многих государств. Изданы и будут издаваться его проповеди, статьи и речи, ибо это и есть те учебники жизни и благочестия, которые особенно необходимы сейчас, когда Патриарха не стало.

Читаешь его труды как завещание мудреца. В них спокойствие правоты и верность единственному для России пути — идти за Христом. Все остальные пути — иди за Христом. Все остальные перепробованы, и все показали свою тупиковость.

Не однажды я, грешный, имел счастье близко видеть и слышать Святейшего. Незабываем один из разговоров перед заседанием Всемирного русского народного Собора. Один из членов Президиума, напористый генерал, обратился к нему:

— Ваше Святейшество, правильно ли я рассуждаю? За эти пятнадцать-двадцать лет было множество всяких партий, фондов, союзов, ассоциаций, движений, да и соборов, и вроде все русские, многочисленны, вроде у всех были прекрасные программы, уставы, обещания. И где все они? Думаю, от наполеонства их руководителей.

— И это тоже, — подтвердил Святейший. — Но главное, они поднимали знамя патриотизма выше Креста. Количество важно, но оно второстепенно. Если с нами Христос, значит, нас уже большинство. Важно работать и, как бы ни было тяжело, помнить, что Бог не по силам Креста не даёт. Тяжел Крест, значит, Господь в тебя верит.

А у кого, спросим, был самый тяжёлый Крест во второй половине двадцатого и начале двадцать первого века?

Патриарх был светлый, солнечный. Когда он служил, сияло солнце. Выходил из Благовещенского собора Кремля и выпускал белого голубя. И московское небо освещалось блеском плещущих крыльев.

Когда он приехал в Белогорский монастырь, называемый Уральским Афоном, освящать Крест, видимый за десятки километров, было пасмурно. Дождь, ветер, тучи. И вот — это все потом рассказывали — в первые минуты службы перестал дождь, засияло солнце и сияло до конца водосвятного молебна.

И на девятый день была такая же Божия милость. Как утешение проглянуло сквозь тучи солнце и осветило, и обогрело по-прежнему огромную очередь теперь уже к последнему земному пристанищу Патриарха, к Богоявленскому собору, в московском просторечии — Елоховскому. Это Патриарший собор. И он остался таковым. Никогда не закрывался. В нём проходили Архиерейские и Поместные соборы, происходили выборы Патриарха. В нём чудотворная икона Казанской Божией Матери. Здесь долгое время находились мощи преподобного Серафима Саровского, здесь захоронения Московских Святейших. Здесь же, уместно сказать, крестили Александра Пушкина. Когда его убили, в горести восклицали: «Солнце нашей поэзии закатилось!» Но вера православная — не литература: звезда взошедшая на её небосклоне, на нём остаётся. И всё светлее и светлее небеса Православия.

И как было не уподобить прощальный Крестный ход, сопровождавший Патриарха к собору, тёплой согревающей реке, тепло которой не проходит вместе с её течением, но остаётся для утешения и молитвы.

Цветов и венков около Богоявленского собора и вокруг него было столько, что собор казался дивным каменным изваянием, поставленным посреди весенней поляны. Крест на нём достигал небес.

*Раб Божий
Владимир КРУПИН*

Владимир КРУПИН: «В прощании с Патриархом крупно обозначилась наша тоска по Отцу Отечества, по Хозяину Русской земли...»



сравниваться с действиями предыдущего. Но наше дело, дело мирян, любящих Россию — молиться. Молиться и соборно и уединённо о новом Патриархе. И неподнимать своих мнений и знамен, даже патриотических, выше Креста.

ТЯЖЕСТЬ КРЕСТА

*Смысл служения Церкви —
приобщить мир к радости
Христовой Воскресения.
Господь способен воздвигнуть
человека из глубины
самой страшной бездны.
Господь может исцелить
и вернуть к праведной жизни
и целый народ.
Алексий II,
Святейший Патриарх
Московский и Всея Руси.*

Волна народного горя, сердечной скорби, душевного смятения прокатилась пятого декабря по России и вылилась за её пределы. Как было поверить в то, что Святейшего не стало на земле, как? Новость была такой ужасной и подавляющей, что просто пригубила. Ещё мы цеплялись за слабую надежду, что были уже однажды слухи о его кончине, может, всё обойдётся? Но тут были не слухи. Сообщения о кончине Святейшего непрерывно исторгались из теле- и радиоэфира.

Свершилось — Святейший окончил земной путь. Но эта кончина не стала концом его жизни: истина в том, что в Православии нет смерти. День земной кончины — это день рождения в жизнь вечную. Этот день означал начало пути в безсмертие Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II-го.

Но для нас, грешных, как было это пережить? Ведь только представить — кого потеряли! И если бы не было целительных, целебных молитв отпевания, как бы сокрушило нас это сообщение. Но уже в первые часы того

бил у них бывать, как, уже будучи на высоте церковного стояния, вырывался на день-два. «Он же совсем юным отроком приезжал, — вспоминают они, — стоял на молитве как свечечка». И эта молитвенная свечечка стала со временем общецерковной, вознесённой над всем миром свечой. И светила нам, и грела нас своим пламенем. И осталась с нами. Только уже свет и тепло её не материальны, а духовны.

Теперь уже навсегда в моей жизни будет та дождливая декабрьская ночь, танескончаемая очередь к Храму Христа Спасителя, к, страшно вымолвить, гробу Святейшего. Я воочию видел малое стадо Христово, которое оказалось огромным. Это была одна из ночей тех трёх суток, отведённых на прощание с Патриархом. Вокруг храма, вдоль набережной стояли тысячи людей и всё прибавлялось их число, будто хотело придти в полноту события. Скорбела и погода. Тяжело и траурно приблизилось небо к земле и плакало вместе с людьми. И вообще все эти дни не кончались небесные слезы.

Как же отраднo и утешительно было стоять в очереди. Какие светлые лица, какие чистые взгляды. Какие молитвенные осенения крестным знаменем. И деточки, и старики, и отроки, и отроковицы, и юноши и девушки, и мужчины, и женщины — вся Россия была тут, вся она пришла сказать Патриарху, как любила и любит его.

Да даже и милиция была совсем другая. Не та, что не умела раньше отличить митинга от Крестного хода, плакатов от хоругвей, и портретов от икон. Даже и это — заслуга Патриарха. Да и что милиция, все мы с чего начинали? На одном из первых приёмов писателей у Святейшего, один из поэтов в порыве чувств обратился к нему: «Батюшка!». Святейший, видя ужас своего окружения, улыбнулся и сказал: «Прекрасное слово — батюшка, у нас батюшками всё держится».

Вообще, диво дивное этот Храм. Ведь и его бы не было без Патриарха. Как будто так и стоял всегда, будто и не жили семьдесят лет без него. Помню первую литургию в нём. Храм еще и внутри, и снаружи стоял в ле-

той преподобномученицы Елисаветы и инокини Варвары, Святого Спиридона Тримифунтского, святой равноапостольной Марии Магдалины, когда мы могли приложиться к правой деснице святого Иоанна Крестителя, именно к той, которой Креститель касался главы Спасителя.

И все эти счастливые, молитвенные встречи были благословлены Святейшим. Но, конечно, как и непохожи были те очереди на эту, молчаливую и скорбную. Но утешительно вспоминалась забываемая встреча иконы Тихвинской Божией Матери. Тогда Крестный ход с нею от Храма по набережной Москвы-реки до Казанского собора на Красной площади возглавил Патриарх.

И, конечно, отчётливо помнилось то судьбоносное, совместное служение Патриарха и митрополита Лавра о молитвенном, литургическом соединении Церквей, Русской Православной и Русской Православной Зарубежной. Оно произошло тоже здесь.

А еще вспоминались прощания с теми, кто начинал возрождение Храма, с писателем Владимиром Солоухиным и композитором Георгием Свиридовым. Оба отпевания возглавил Святейший. Отпевали в нижней, Преображенской церкви.

И вот, сейчас эта тихая, неостановимая, текущая под крышами зонтиков очередь. Это общее сиротство, это обострённое понимание слов возглашаемых на Литургии: «О Великом Господине и Отце нашем». Это о нём, о Святейшем. Отец — нет другого слова. В прощании с Патриархом крупно обозначилась наша тоска по Отцу Отечества, по Хозяину Русской земли, отнятому революцией. Патриарх не просто считался Отцом, он им был.

В очереди говорили и о чудесах этих дней. И люди не дивились им, а воспринимали как должное то, что воспринимали как должное то, что икона Алексия, человека Божия, запала, а фотография Патриарха замироточила. Уже на руках были снимки, где Патриарх был запечатлен с ягнёнком на руках, в детстве на рождественской ёлке. Он любил всех нас, и мы это чувствовали.

Вера и верность

Вечер памяти Сергея Лыкошина

«Вера и верность» — так называлась книга Сергея Лыкошина, изданная друзьями писателя сразу после его кончины 13 января 2006 года. Теперь, спустя три года, на вечер его памяти собрались товарищи. Казалось бы, боль утраты притухла, и многое уже изменилось в самих нас, живущих в этом мире, но нет: ничего не отболело, да и лучше жить Россия не стала...

Напротив, страна наша все глубже погружается в пучину экономического хаоса, в национальную раздробленность. И собравшиеся друзья говорили о том, как не хватает сегодня Сергея Артамоновича С его могучею статью, с его чувствительностью на народную боль, с его аристократической последовательностью в деле национального просвещения.

Б. Милошевич, говоря о сегодняшнем беспределе сербской политической власти, с горечью заметил: «Как хорошо, что Сергей Лыкошин и Эдуард Володин не дожили до полного славянского унижения, когда за поимку генерала Младича власти Сербии предлагали вознаграждение в несколько миллионов евро... Разве могли они это себе представить, а нам приходится еще и жить с этим...»



Князь Зураб Чавчавадзе, вспоминая Сергея, тоже не без печали говорил о том, что ничего из политической публицистики Сергея Лыкошина так ничего и не востребовано, тогда как все, что им написано, это готовый рецепт лечения болезни России...»
Профессор Гуминский, вспоминая работу в издательстве «Молодая гвар-

дия», отмечал: «Разве можно было себе представить в серии «Жизнь замечательных людей», — когда ее возглавлял С. Семанов, В. Володин, Ю. Селезнев С. Лыкошин, — книги, не прославляющие Россию, а унижающие ее, как это происходит сейчас...»

«...Вы только вспомните, — говорил Ю. Лошиц, — время, когда было создано «Товарищество русских художников», сколько людей мы тогда объединили и сколько дел сообща переделали... И только Господь знает, чего это стоило Сергею Лыкошину и Эдуарду Володину...»

«Сегодня, когда мы молились на могиле Сережи об упокоении его души, — заметил А. Сегень, — я слышал добрый голос Сережи, подпевавший нам, как то было в Ираке, в Иордании, да во всех святых землях, где Господь судил нам вместе путешествовать... Какое это было время, какие мы все были молодые и наивные...»

«Каждое утро, когда молюсь об усопших, — говорил С. Котьяло, — я, вспоминая тихое, еще солнечное утро конца сентября 1993 года, когда два Сергея, — Лыкошин и Алексеев, — идут выручать Василия Белова из обя-

тий ОМОНа мимо моей заставы... Лыкошин долго держит мою руку и приговаривает: «Нухватит тебе здесь одиноко торчать... пойдём с нами...» — Это был единственный случай за долгие годы нашей дружбы, когда я ему не повиновался...»

«В дни, когда идет избиение Вифлеемских младенцев наследниками царя Ирода в Газе, я убежден, — размышлял О. Фомин, — что и Сергей Лыкошин, и Эдуард Володин не сидели бы в Москве сложа руки, а будили и русских, и арабов к сопротивлению, к защите палестинцев от израильской агрессии всеми доступными средствами...»

«В моей жизни было два самых надежных товарища: Владимир Токмань и Сережа Лыкошин, — говорил В. Ганичев, — и с ними, видимо, так уже и останусь до скончания века. Покойный Святейший Патриарх Алексий увидел Сережу, тотчас шел ему навстречу и подолгу благодарил его за то или иное начинание. Митрополит Кирилл никогда не начинал работу Бюро Собора, пока не увидит могучего Сергея Лыкошина. В нем были природные любовь, искренность, твердость и мудрость...»

Вспоминали и рассказывали о Сергее Лыкошине и его творческом наследии родственники и друзья: Лариса, Иван и Анна Лыкошины, иерей Сергей Разумцев, иеромонах Даниил, С. Исаков, Ст. Куяев, С. Небольсин, С. Куличкин, М. Липнягов, С. Гаврилов, М. Ганичева, Н. Кускова, Л. Ба-

ранова-Гонченко, Ю. Сытник, И. Янин, В. Греков, Г. Рыбникова, Л. Шумский, А. Фоменко, В. Исаев, К. Скворцов, В. Хайрюзов, С. Евсеев, А. Охоткин, А. Шеин, В. Зубков, А. Макаров, М. Лобанов, С. Шуртаков, С. Перевезенцев, В. Костин, А. Токарев, В. Илюхин, В. Дворцов, Евг. Чуганов, В. Середин, Гр. Каложный, Ю. Юшкин, Б. Споров, М. Самохвалов и мн. др.

Трудно даже перечислить все те дела в начинания, в которых Сергей Артамонович принимал деятельное участие. Это создание «Товарищества русских художников» и Всемирного Русского Народного Собора, возрождение Храма Христа Спасителя, Борисоглебской обители, Оптиной пустыни, защита Союза писателей в 1991 году и Верховного Совета в 1993 году, участие в Афганской войне и Бакинских событиях, Чеченская война, поездки в Сербия, в Сараево и на Косово поле, когда там шла национально-освободительная война, создание журналов «Новая книга России», «Русское воскресенье», «Златоуст», «Роман-журнал XXI век», «О Русская земля», «Книжные сериалы «Славянский мир», «Памятники церковной письменности», «Национальная безопасность»...

Как верно заметил один из участников вечера, трудно встретить писателя в России, в славянских странах и странах арабского Востока, в чьей бы судьбе не принял деятельное участие С.А. Лыкошин, человек верующий и верный.

Укротитель мифов

В Союзе писателей России состоялась презентация книги Владимира Мединского, завершающей его знаменитую серию «Мифы о России»

Что-то даже мистическое привыкли мы видеть в таком давно привычном явлении, как русофобия. Потому что русофобия эта в самых разных странах и среди самых разных народов возрастала и возрастает по мере возрастания их политического и экономического развития. А казалось бы, должно быть наоборот.

Но ничего особенного в этом нет. Мы знаем, что прежде чем были сброшены на Японию атомные бомбы, многие ведущие американские антропологи получили госзаказ на разработку теории о расовой неполноценности японцев. Также и авианалетам на Белград предшествовала большая антисербская информационная война. И если в течениях уже многих веков чьи-то мечты о мировом господстве упираются именно в фактор могущества и самодостаточности России, то и Россия не могла не оказаться в эпицентре информационных противостояний. При нынешних же продовольственном, энергетическом и всяких прочих глобальных кризисах мировым акулам хочется не только ослабить Россию, но и присвоить себе её богатейшие ресурсные запасы. Поэтому жанр русофобской мифологии сегодня стал самым востребованным и самым высокооплачиваемым. И можно назвать десятки или даже сотни отечественных «интеллектуалов», у которых уровень ненависти к России всегда равен величине зарубежных грантов.

Много было издано книг, смело и отважно изобличающих русофобов в их лжи. Может быть, не было только книг, написанных, с одной стороны, живо, просто и занимательно, а с другой стороны — глубоко и разумно.

А вот во Владимире Мединском счастливо соединились и яркий писательский талант, и эрудиция несамодельного историка. Поэтому серия его книг «Мифы о России» была обречена стать самой востребованной.

В Союзе писателей России состоялась презентация книги Владимира Мединского «О русском воровстве, особом пути и долготерпении», завершающей его знаменитую серию «Мифы о России».

Вопрос, поставленный В. Мединским, не нов. Русский менталитет, рус-



ская душа — это вечная загадка. Как и сама Россия. И не только для чужеземцев. Самим нам порой трудно разобраться в лабиринтах своей истории и своей души...

То, что книга В. Мединского оказалась самой ожидаемой и всех заде-

ла за живое, сказалось и на характере её обсуждения. Все восприняли её не со стороны, в выступлениях своих невольничьи дополняли авторскую и без того блестящую аргументацию.

Так, советник председателя фракции ЛДПР в Государственной Думе

Игорь Дьяков напомнил, что экскурсоводы в Париже охотно вспоминают о пребывании наших казаков в столице Франции, но стараются не говорить о причинах их пребывания там. Всё, что могло бы возвысить Россию, из истории Европы всеми силами скрывается или просто переиhrивается. «Да, идеализировать свой народ мы не можем, но и легка добавлять не дадим», сказал И. Дьяков. И предложил издать серию «Мифы о России» адаптированными для детей и подростков, сделать по ней 10-15 телевизионных фильмов.

Генеральный директор СП России Владимир Середин сообщил присутствующим, что В. Мединский в 2008 году вполне заслуженно пополнил ряды Союза писателей России. Книги В. Мединского, подчеркнул В. Середин, являют собой лучшие образцы современной художественной публицистики.

Заместитель директора института Российской истории Владимир Лавров напомнил присутствующим о 1380 году, когда благодаря благословению Сергея Радонежского и победе Дмитрия Донского на Куликовом поле мы избавились от одного мифа: мифа о том, что мы обречены на поражение. От монгольского ига сразу избавиться не удалось, но избавление от одного мифа о непобедимости монгольских орд привело к экономическому росту в стране. Люди просто поверили, что они способны победить, что у них есть будущее. А сколько мифов было в нашей истории? Они создавались десятилетиями и даже столетиями. И в этом смысле книга В. Мединского имеет большое общественное значение. Она служит знаком оздоровления нашего духовного строя, стремления к возрождению своей страны.

Книга написана с юмором, читается с интересом и одновременно книга историческая, научная. Она выполняет большую, очень важную просветительскую задачу.

Секретарь правления Союза писателей России Николай Переяслов отметил, что книга В. Мединского читается легко, поскольку написана словно бы на одном дыхании, с живой интонацией, ярким и выразительным языком. Возможно, Владимир Мединский дает начало новому жанру в литературе, жанру политологического и социального романа без героя и определенного сюжета. Наверное, что-то в этом есть. Что касается самих мифов, то Россия окутана ими, как тучами в самый ненастный день, и большая их часть создавалась, конечно же, не друзьями, а явными недоброжелателями. В книге Владими-

ра Мединского они успешно развенчиваются.

И очень хорошо, что презентация состоялась здесь — в Союзе писателей России, потому что мифы не только развенчиваются, но и создаются не без участия писателей. Недавно прочел у одного из поэтов стихотворение о русских, якобы народных песнях, где воспеваются только бунтовщики и разбойники. Мы очень часто не можем отрешиться от какой-то привычной точки зрения: как оценивать Разина, Пугачева и прочих исторических персонажей за их как бы романтическую борьбу. Надо же суметь сделать шаг в сторону и посмотреть: а что этот персонаж достигал в результате своей деятельности. А к чему они были обречены прирди? Часто — лишь к разрушению.

Очень символично, что вот эта наша встреча проходит в нескольких шагах от храма Николая, где было озвучено отлучение Льва Толстого от церкви за его книгу. И это тоже страница нашей истории, известная скорее на уровне мифологии.

Любой миф познается в сравнении. Часто слышишь о том, что, например, все купцы — толстопузые, скупые. Но стоит побывать и в маленьких среднерусских городках на Волге, где у каждой пристани купцами построены храмы, учебные заведения, больницы, театры. Владимир Мединский это блестяще нам показывает.

Я часто бываю в Якутии, и потому я бы добавил в вашу книгу еще и главу о роли ссыльных революционеров в становлении якутского края и развития Сибири в целом. Молодые офицеры-декабристы, сосланные царем, посвятили себя собиранию преданий, издавали словари сибирских народов, вели огромную просветительскую работу.

Н. Переяслов отметил: появление книг В. Мединского показывает, что есть люди не боящиеся позиционировать себя с каким-то четким мировоззрением, не боящиеся говорить прямо о своей любви к России, не боящиеся за эту Россию бороться своим словом и своим делом. А это, наверно, важнее всего.

...Мы уже привыкли верить в то, что Россия перестала быть страной самого массового читателя. Суммарный тираж книг В. Мединского за очень короткий срок составил 142 тысячи. И это не предел.

Хотелось бы, чтобы в каждой российской семье появились книги В. Мединского. Как и книги Карамзина, Соловьева, Ключевского, Костомарова...

Леонид
КУТЫРЁВ-ТРАПЕЗНИКОВ

Константин Сковорцов

Село Монастырское Саратовской области... Утренняя переключка соловьев.

Пулемётные очереди лягушачьих мелодий. Коровьи вздохи. Гогот потревоженных дворнягами гусей.

Иглы взшедшего солнца, больно ударившие по глазам, заставили меня пробудиться, как мне думалось, первым.

Я глянул вниз с дюжины горячих перин. Сюда, под самый потолок, глубокой ночью после бесконечных рассказов, стихов и песен под балалайку водрузили меня Михаил Николаевич и его тёзка по фамилии Одинок. Фамилия Одинок с удивительной точностью соответствовала и его дому, стоящему на отшибе села в зарослях ольхи, и самому Михаилу Петровичу, в одиночку ведущему уже не один десяток лет своё нехитрое крестьянское хозяйство.

Вдоме никого не было. Спустившись на рассохшийся от времени деревянный пол, весь в пуху и перьях, как если бы мне довелось ночевать в курятнике, я вышел на солнце и пошёл к деревне по мокрой траве вдоль непролазных зарослей черёмухи, ивняка, ольхи, ежевики, хмеля...

Навстречу мне, балансируя на скользкой тропинке, как циркач на канате, приближался Михаил Николаевич, с лицом счастливого прихожанина, возвращающегося утренняя молитвы.

Я уже сбегал на Вишнёвый омут. К моим друзьям. Поздороваться.

Рядом в песне зашёлся соловей.
- Вот ещё один... Здравствуй, дружок!
- Да это же — развёл руками я, — Три километра туда. Да три обратно!
- Для бешеной собаки семь вёрст не крюк. Пошли завтракать.

В доме, построенном на месте не уцелевшего родового гнезда Михаила Николаевича, откуда вчера вечером под шум гостей мы незамеченными (так нам казалось!) ушли на ночлег к Одинок, нас уже ждали.

Хозяева дома, Наталья и Василий, щедро накрывали стол. Прибывший из Саратова поэт Николай Палькин с разговорческим видом (было слышно «как у него работали мозги!») уже сочинял дружески-язвительные стихи по поводу нашего ночного отсутствия и выдававших нас «предательских перьев» на моем костюме.

Михаил Николаевич, приняв мою сторону, мгновенно включился в игру, проявив при этом незаурядный поэтический дар экспромта.

Стихи рождались соскоростью мысли. Гости смеялись до боли в затылках. Чтобы никого не обидеть, я отвечал «дипломатическими» строчками. Так можно и «заиграться»...

- Не стесняйся! — подбадривал меня Михаил Николаевич, — Отсутствие юмора это недостаток ума, а здесь, ты же видишь, народ не глупый.

У сельского клуба, зная о приезде своего великого земляка, с утра толпился народ, боясь пропустить долгожданную встречу. Еще не утратив веры в силу писательского слова, они видели в нём единственного спасителя своего разорённого перестройкой села. Они наивно полагали, что достаточно одного слова Алексева, сказанного кому-то в Москве, и вновь зацветут их поля, заурчат трактора и комбайны, а о своих позорных пенсиях они будут вспоминать только в страшных снах...

Восьмидесятипятилетняя одноклассница, согбенная временем, но не утерявшая врожденного чувства юмора, по личице дерзко доказывала Михаилу Николаевичу, что он стал великим писателем только потому, что «списывал унёс» на уроках русского языка, так как они сидели за одной парты.

«Списывал» ли он у неё или нет, мне не удалось выяснить, но то, что он с душевным трепетом иконописца, списывал с неё своих многострадальных Журавушек, Фенюшек, Фрось и Вишенок, чьим непомерным до самоотречения крестьянским трудом, бессонницами, слезами и молитвами была не раз спасена Россия, — в этом не было никакого сомнения.

А на крохотной сцене сельского клуба сегодняшние монастырские

драчуны изображали Алексеевских драчунов века прошлого. Они играли с такой откровенностью, с таким задором, с таким не актерским знанием своего дела, что, узнавая в них самого себя, Михаил Николаевич долго не мог расстаться с юными артистами, как будто, обнимая их, он мог вернуть свою молодость.

Чуть позже мы сидели у троюродной сестры Михаила Николаевича Полины (он называл её Полей), которая без устали одаривала нас афоризмами и душистой клубничкой, с гордостью показывая свои десять соток ухоженной земли, засеянные луком, которые она самостоятельно обрабатывала в свои девяносто с лишком лет. При этом беспрерывно шутила, а мы улыбались. Улыбались, хотя картина была не из весёлых, и поче-

*Там текёт река, река быстрая.
Там текёт река, река быстрая,
Река быстрая, вода чистая.*

*Как по той-то реке
Вел донской казак,
Не коня вёл поить,
А жену топить...
А жена та мужа уговаривала:
- Уж ты муж ты мой ж
Нетопи ты меня...*

Потом далеко за селом, в степи, на открытом всем ветрам кладбище, где каждый крест ему бесконечно горек и дорог, он долго и отрешённо будет стоять у её могилы, опершись о скромную ограду.

А по другую сторону села нас ожидал Вишнёвый омут.

Михаил Николаевич не мыслит себе жизни без этого Святого для него

неведомый для мира, небольшой, перевязанный тонкой тесёмкой свёрток, и с таинственным видом повёл меня в свою комнату, к столу.

Это были фронтовые письма, написанные шестьдесят лет назад, в Сталинградских окопах, «под непрерывным обстрелом с воздуха и земли».

Письма, адресованные его девятнадцатилетней подруге из уральского города Ирбита Оле Кондрашенко (после войны она жила на Украине и скончалась незадолго до смерти М.Н.). Письма, которые сохранила Женщина, как память о первой и единственной любви, оберегая их более полувека, как самое дорогое в её жизни, и решилась вернуть автору, узнав о том, что он работает над романом «Мой Сталинград».

Михаил Николаевич долго не ре-

вспомнить тогда на мосту, у села Монастырского старый солдат? Бог весть.

Он не упомянул о ней и в своих комментариях к письмам (теперь уже не одиножды переизданных), несмотря на мои просьбы. Что ж, как видно не всё на продажу: есть вещи, которые писатель оставляет навсегда в потайных уголках своей души, куда остальных путей заказан. Ольга Кондрашенко не стала его женой. Война, как казалось молодому офицеру, ожесточило его сердце. Он не имел права на счастье в безумном, оглушённом войной мире. Что это? Жестокость, опалённого войной сердца? Или, может, это инстинкт самосохранения большого Художника? Судить не мне.

У Вишнёвого омута шумели «прототипы»... Так в шутку он называл своих земляков. Но какие там шутки, если в каждом из разгорячённых встречей людей, угадывались его персонажи?! То «небывало поворотливый и ловкий» Пётр Михайлович, то Настасья Хохлушка, то Вишенка, то «плутовато подмигивающий» Иван Мороз, то «ёрнически морщащийся» Митрий Резак...

А ведь это их дети, внуки, а то и правнуки. Неистребима кровушка саратовских мужиков!

Михаил Николаевич смотрит в чёрное, обрамлённое патиной зелени, зеркало Вишнёвого омута. Над ним, расколота молнией, но всё ещё живая, забывшая о своём возрасте, плачущая ива. Она обильно окропляет его своими золотыми слезами... А, может, эти капли совсем не её?

Омут памяти. Омут вечности. Таинственный и бездонный.

Михаил Николаевич, как бы извиняясь, радуется жизни, в который раз удивляясь тому, что он всё ещё жив, как эта древняя ива, принявшая на себя все ветра и молнии столетия. Он, как и она, чувствует бунтующие соки земли.

Они так просто не сладутся... А четыре его военных ранения (каждое из которых могло оказаться смертельным!), просто мелочи жизни, о которых не стоит и вспоминать...

Давно уже нет тех, кто не раз ценою собственных жизней, спасали его, чтобы он сейчас мог вдохнуть этот, пахнущий свежим огурцом, воздух Вишнёвого омута, который вздрагивает серебряной зыбью от каждого порыва ветра...

Но не уходит из памяти сентябрь сорок второго года. Николай Сараев, неподвижно лежащий на искромсанной Сталинградской земле в разорванной гимнастёрке, бросивший связку гранат под душеньку немецкой танкетки.

Он спас тогда не одну жизнь бойцов миномётной роты.

А после, в адском крошечке Курской дуги, полковник Денисов отправляет его (его — командира пулемётной роты гвардии старшего лейтенанта Алексева!) в дивизион «Советский богатырь»... («Видать, сума сошёл: с чего ему вздумалось посылать меня в газету...» — запишет он в своём дневнике.)

Но не будь этого самого полковника Денисова, разве стоял бы он сейчас у своего Вишнёвого омута? Разве появились бы на свет божий его «Солдаты» и «Драчуны», «Карюхи» и «Хлеб — имя существительное», «Мой Сталинград» и «Окупанты»... Его «Русское поле» с Нонной Мордюковой и «Журавушка» с Людмилой Чурсиной? Да разве всё перечислишь!

Он не боялся смерти. Он страшился того, что не окончит роман «Окупанты» и тем подведёт редактора, что не сможет больше прийти на Вишнёвый омут, что не услышит больше подгулявших Монастырских соловьев, не посидит на берегах (пусть даже без удочки!) невеликих, но таких дорогих речек Баланды и Медведицы.

- А чего страшиться смерти, — отшучивался он, — я же всё равно не буду знать, что я умер!

...Неподалеку от могилы Михаила Николаевича на Перделкинском кладбище стоит расколота молнией ива. Неслышно течёт река Сетунь. Плачет ржавыми слезами небольшой родник. С грохотом, отчего вздрагивает земля, проносятся по дороге автомобили...

Но в недолгие минуты затишья, в предугроженном тумане залиvisto и нестерпимо громко на всю Россию поют соловьи, вызывая к её памяти.

Ведь она так неслышно похоронила своего великого Сына.

У Вишнёвого омута

Выдающийся русский писатель, снискавший всенародную любовь уже в начале своего творческого пути, он представляет собою тот тип русского человека, само присутствие которого в нашей памяти полностью обессмысливает новейшую историю России. В самом деле, не для того же юный Михаил Алексеев готов был погибнуть в окопах Сталинграда, чтобы только какой-нибудь Абрамович пользовался плодами великой Победы, а большинство россиян не могли прожить на свою зарплату? Не для того же в своих книгах он утверждал мысль о высоком предназначении человека, чтобы человеческое достоинство каждого россиянина было растоптано социал-дарвинисткой революцией конца XX века?

Одним словом, когда два года назад М.Н. Алексеева не стало, это печальное событие постарались не заметить все государственные телеканалы. А в прошлом году, когда исполнилось 90-лет со дня его рождения, новый агитпроп России сделал вид, что выдающегося народного писателя, автора повести «Ивушка не плачущая», на которой выросло не одно поколение россиян, и автора романа «Драчуны» о голодоморе в Поволжье — у нас никогда не было...



му-то наворачивались слезы. Наверное, от лука...

Вспомнили мать Михаила Николаевича Ефросинью Ильиничну, «безрассудно» отправившуюся в революционном семнадцатом году отсюда на Урал, в Челябинск, чтобы проведать своего служивого мужа. Её уговаривали родственники и соседи отказать от столь неразумной затеи:

- Куда ты? У тебя уже трое ртов. Привезёшь четвёртый, и всех надо кормить!

Но долг сребдобольной русской женщины и любовь сделали своё дело, и, родившийся «по теплу» восемнадцатого года (М.Н. дважды отмечал день рождения: весной и осенью) в Саратовском селе озорной мальчишка долго не мог избавиться от клички «Мишка Челябинский», а на вопросы сына: - Почему меня так странно дразнят? — мать, краснея, уходила от ответа...

Вспомнили и шемящие сердце песни Ефросиньи Ильиничны, которыми она лечила свою натруженную душу. Вот уж, воистину, «о чём не поплачешь, о том не спойшь!» Михаил Николаевич знал все её песни, пел их самозабвенно, при этом умудряясь комментировать каждое слово. Легонько постукивая пальцами по краю стола, он с гипнотической силой погружал нас в свои воспоминания...

*Татья, тятка, тятка родный,
Зачем замуж меня отдал
Не за ровню, не за пару?..
Я любить его не стану...*

Всё становилось зримо и осязаемо. И поющая матушка, и, чуть поскрипывающая, прялка и, рыжий котёнок, гоняющийся за клубком только что спряжённой шерсти...

Из под камушка, из под бельва,

места. Он должен был хотя бы раз в году обязательно посетить его, привезти сюда своих друзей.

Омут «кругл, глубок и мрачен», но именно здесь, в чёрной таинственной глубине его, как мне теперь думается, и зародился солнечный талант великого русского писателя.

Ему, как дыхание, необходимы были приезды сюда, чтобы поднять с невесты откуда опустившейся скатерти-самобранки рюмку Монастырской водки, услышать размеренный, ни с чем не сравнимый звук падающих в осокую капель (настоящих слёз!) плачущих Монастырских ив, забросить, без всякой надежды на удачу, удочку в золотистые струи Игрицы.

По дороге к омуту, вновь пересекая село, мы остановились у моста. Вдоль дороги, среди занявшей зелени кое-где ещё дымилась прошлогодняя польня. Михаил Николаевич сорвал веточку польни, тщательно растёр её в ладонях, приняв хвася, как охотник, уловивший только ему одному известный след.

Мне показалось, что он что-то пытается вспомнить и не может...

Да это был мост, который соединил деревенского мальчугана с Большой Землёй. По этому мосту в тридцать шестом году он ушёл, чтобы стать студентом Аткарского педтехникума. Этот мост начало большой, огненной дороги, пролеглающей через Холхин-гол, Сталинград, Прохоровское поле, Днепр, Прагу, Вену.

Это было дорога от неизвестности к славе.

Но о чём сейчас он так мучительно вспоминал?

Через несколько дней, уже на даче в Перделкине он, как драгоценный клад, зарытый от чужих глаз в большой кастрюле с мукой, извлёк, ещё

шался показывать их ни друзьям, ни родственникам, ни супруге, дабы не травмировать её женское сердце. Он был счастлив, когда узнал о письмах, Татьяна Павловна отнеслась к ним с должным пониманием.

Как хирург, боющийся неловким движением поранить живую ткань, он осторожно раскрывал пожелтевшие треугольники писем.

И вдруг из одного из них падает на стол цветущая, нет, скорее пошедшая веточка польни... Не веря глазам, он не решается прикоснуться к чуду, помнящему огонь и солнце сорок второго года!

*«14 сентября 1942 г.
Оля, дорогая моя!
Хотелось бы побольше написать тебе, но борьба далеко ещё не кончена, и я считаю преждевременным подводить какие бы то ни было итоги. Скажу только, что я сам едва ли верю в то, что моя рука пишет это письмо. Трудно, пожалуй, совершенно невозможно представить себе всей тяжести борьбы».*

Уже сотни раз смерть пыталась захватить меня в свои холодные объятия, но тщетно: я продолжаю жить и бороться».

- Да... — говорит он, снимая очки, — Я многое ей не дописал. Цензура всё равно не пропустила бы. И это письмо было бы уничтожено. Но я положил эту польню, чтобы Оля почувствовала всю горечь моего положения.

«Я очень люблю жизнь и очень хочу жить, и всё-таки я отдаю без страха эту жизнь, уж решил её отдать... Я хочу жить, именно потому я и отдаю её».

Это строки из предыдущего письма (от 9/08-42) двадцатитрёхлетнего русского красноармейца, готового отдать жизнь ради Жизни.

Не эту ли веточку польни пытался

Названы лауреаты премии имени Александра Невского

(Окончание. Начало на стр. 1)

Среди лауреатов премии за прошлые годы имена Глеба Горбовского и Нины Карташовой, Николая Коняева и Михаила Дунаева, Валерия Ганичева и Валентина Голубева, Татьяны Шороховой и Сергея Котьяло, Нины Саблиной и Нины Орловой, священника Алексия Мороза и Ольги Николаевны Куликовской-Романовой, протоиерея Николая Агафонова и Игоря Смолькина, Юрия Молина и Алексея Любомудрова, Андрея Печерского и Владимира Шемшученко, Татьяны Батуриной и Александра Горелова.

За 2008 год лауреатами Всероссийской православной литературной премии имени св. князя Александра Невского стали поэты Николай Рачков из Тосно, Татьяна Егорова из Санкт-Петербурга и Евгений Алтухов из Мценска. Первая премия присуждена Аркадию Белому из Санкт-Петербурга за исторический роман «Рождение империи», рассказывающий о воссоединении Украины с Россией. Области документально-публици-

стической прозы Первой премией за вклад в русскую литературу национально-патриотическую публицистику награжден Валерий Хатюшин из Москвы.

Особая премия за вклад в развитие православной философии присуждена Борису Дверницкому из Санкт-Петербурга. В области критики и литературоведения Первая премия за книгу «Эх, славяне!..» присуждена Лидии Сычевой из Москвы. Лауреатом стал так же и редактор-составитель сборника детской поэзии «Крылатые качели» Владимир Архипов из Краснодара.

Среди литературных журналов за вклад в русскую литературу отмечен «Наш современник» и его главный редактор Станислав Куняев.

Особой премией «Русское национальное самосознание» награжден журнал «Империальное возрождение» и его издатель Михаил Смолин (Москва).

Особой премией за верность православно-патриотическим идеалам отмечена газета «Слово» и ее главный редактор Виктор Линник.

О Шукшинской премии

2009 год в Алтайском крае объявлен Годом Василия Макаровича Шукшина. В юбилейный год будет вручена вторая Шукшинская литературная премия Губернатора Алтайского края. В краевом управлении по культуре уже начался прием документов на соискание данной премии.

Напомним, Шукшинская премия (150 тысяч рублей) присуждается один раз в два года и носит персональный характер. **На ее соискание могут претендовать не только писатели Алтайского края, но и всей России.** Так, обладателем первой Шукшинской литературной премии стал писатель из Кургана Виктор Потанин.

Премия присуждается за прозаические произведения, продолжающие лучшие традиции отечественной литературы, опубликованные в течение последних трех лет. Выдвигать кандидатов на соискание премии могут органы исполнительной власти субъектов РФ, муниципальные власти, государственные и муниципальные учреждения культуры, творческие союзы, издательства, редакции журналов.

Обладателя Шукшинской премии определит специальная комиссия. В

нее входят представители Союза писателей России - литературный критик Вадим Дементьев, поэт, первый секретарь Союза Геннадий Иванов, прозаик Владимир Крупин, а также алтайские литераторы - Галина Колесникова, Валерий Слободчиков, Иван Кудинов.

Вручение Шукшинской премии состоится в июле этого года на родине Василия Макаровича в селе Сростки, сообщили в краевом управлении по культуре.

На соискание Шукшинской литературной премии Губернатора Алтайского края 2009 г необходимо предоставить следующие документы:

- ходатайство о выдвижении кандидата на соискание премии;
- решение коллегиального органа о выдвижении данного кандидата с краткой характеристикой выдвигаемой работы;
- анкетные данные кандидата;
- дополнительные материалы по усмотрению соискателя.

Документы представляются до 11 мая 2009 года в управление Алтайского края по культуре по адресу: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 41. Контактные телефоны: (3852) 24-96-96, 24-38-14.

ПРИНИМАЮТСЯ РАБОТЫ на конкурс детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. Алексея Толстого

Международный конкурс детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы имени Алексея Николаевича Толстого проводится в 2009 году Союзом писателей России (Товариществом детских и юношеских писателей России) и Молодежной общественной палатой Российской Федерации. Принимаются произведения, написанные на русском языке и представленные в одном экземпляре на электронном носителе или в двух экземплярах на печатном носителе. На конкурс могут быть выдвинуты неопубликованные рукописи, также книги, изданные в России или ближайшем зарубежье некоммерческим тиражом:

1. Поэзия (стихотворения, поэмы, стихотворные сказки).
2. Проза (рассказ, сказка, повесть, небольшой роман для детей, подростков, юношества, молодежь).
3. Пьесы для театра.
4. Впервые в рамках конкурса вводится номинация «Лучшие художники-иллюстраторы детско-юношеской книги».

Учредители предлагают поддержать конкурс региональным отделением Союза писателей России, а также - всем заинтересованным организациям, учреждениям, фирмам, издательствам, редакциям газет и журналов.

Печатный орган Союза писателей России «Российский писатель» и сайт Товарищества детских и юношеских писателей России www.detlit.hui2.ru освещают проведение и итоги конкурса.

Книги и рукописи на бумажном носителе следует присылать на адрес: 143441 Московская область, Красногорский район, пос. Путькино, 9-4 (на Третий конкурс имени А.Н. Толстого).

Электронную версию произведений — на адрес: zhar-ptz@yandex.ru

Молодежная общественная палата РФ проводит награждение лауреатов памятными подарками.

Завершение приема работ — 15 марта 2009 года. Награждение лауреатов конкурса пройдет в конце мая 2009 года.

Родине поклонись К 80-летию Михаила Бурькина

В разговорах не редкость услышать, когда родное село или город называют своей малой родиной. Но бывает и так, что кто-то из собеседников при этом задается вопросом: а хорошо ли такое «подразделение» Родины, не обидно ли оно для места, где ты родился и возмател? Однако, думается, ничего обидного тут нет. Ведь речь идет всего лишь о пространно-географическом подразделении, о том, что село или город всегда меньше страны-Родины, любовь же к ней - Большой Родине начинается не «с вартинки в букваре», как пелось в песенке, а вот именно с любви к тому месту, где ты появился на свет Божий и увидел, что свет этот велик и прекрасен.

Михаил Бурькин родился в селе Хинель, что на Брянщине. И вся его книга «Родине поклонись» - это сыновнее объяснение в любви к своей малой родине. Он прямо-таки и радуется и гордится, что ему посчастливилось родиться в таком знаменитом месте на перекрестке таких исторических путей, названия которых он находит в русских летописях и даже в «Слове о полку» - по землям близкого к Хинели древнего города Севска проходили ратники трубчевского князя Всеволода.

«Большим городом с крепостью» назвал Севск сын антиохийского патриарха Макария Павел Алеппский, посетивший вместе с отцом Россию в 1654 году. О том, что Севск и позже являлся защитной крепостью южных рубежей Московского государства, свидетельствует и историк С.М. Соловьев. В Севске, недавно отметившем свое 800-летие, одно время была таможня и даже монетный двор, на ко-



тором чеканилась русская монета. А на гербе его значится «сноп золотой ржаной на зеленой земле»...

Похвального слова заслуживает такое заинтересованное обращение к истории родного края, а вместе с тем и ко всей нашей отечественной истории.

И вдвойне похвально, что Михаил Бурькин не ограничился одними архивными историческими исследованиями. Он продолжил историю родного села и в последующие времена. Особое место занимает в книге Отечественная война, участие земляков и автора в ней, как на фронте, так и в партизанских отрядах.

Война окончилась нашей побе-

дой. Но вернулись победители в страну войной разрушенную.

Михаил Бурькин стал строителем. И эта его рабочая профессия была в послевоенные годы не самой ли, как нынче мы выражаемся, востребованной.

Нашел он и подругу жизни. Правда, по «происхождению» - не брянскую, а тверскую. Но так ли уж это важно. Куда важнее, наверное, что они и по сей день живут неразлучно, в полном согласии, и что у них есть и дети, и внуки.

Работая в Москве и поднимаясь все выше и выше по служебной лестнице, Михаил Бурькин, однако, не забывал и родную Брянщину, к которой теперь прибавилась и тверская малая родина его жены Антонины Дмитриевны. И каждое лето они приезжали в родные места не дачниками, а строителями. Продолжает заслуженный строитель РСФСР обустроить родные просторы и Брянской, и Тверской земли и по сей день. В Хинельской школе им учреждены несколько стипендий для одаренных учеников...

Названа книга известными словами Тургенева: Родине поклонись... Кланяться можно по-разному: можно и кивком головы, а можно и поясным и даже земным поклоном. Книжкой своей Михаил Бурькин до самой земли поклонился своей малой - она же и частица великой - Родине.

Время идет неостановимо и Михаилу Бурькину вот-вот стукнет восемьдесят лет. Так что поздравим нашего соотечественника со столь серьезной датой и пожелаем ему долгие годы здоровья и новых свершений во благо России!

Семен ШУРТАКОВ

Свеча неугасимая

В Кантемировке в рамках Воронежского областного российско-украинского фестиваля «В семье единой» прошла читательская конференция «Певец и гордость двух литератур». Посвящена она была жизни и творчеству нашего земляка, классика украинской литературы Евгена Плузника, 110-летию со дня его рождения.

В местной районной библиотеке встретились любящие слово и книгу гости из Луганской области Украины, из окрестных районов нашего края - Богучарского, Калачевского, Кантемировского, Подгоренского, Ольховатского, Россошанского, из Воронежа.

Ведущая конференцию директор библиотеки Ольга Шалагина напомнила, что Евгений Плузник является одним из крупнейших, так утверждается в литературных энциклопедиях, украинских поэтов XX столетия. Родившийся у веков на грани, сын воронежской «селянской» слободы не забывал свою милую родину. Первые публикации своих стихов в украинских журналах он подписывал именованным псевдонимом «Кантемирянин».

С книжной выставки собравшимся представили издания Плузника последних десятилетий. Прежде всего - своеобразный киевский двухтомник, любовно подготовленный к печати Леонидом Череватенко. В сборнике «Поэзия», выпущенном в серии «Библиотека поэта», собраны лирика и поэмы. В книгу «Заговор в Киеве» вошли пьесы и роман «Недуг». В Москве поэтическое наследие частично обнародовано в антологий из украинской поэзии 20-30-х годов минувшего столетия «Ой упало солнце».

Знают теперь о Плузнике и на его «милую родину».

Первой ласточкой стала книжечка стихов «Ранняя осень», напечатанная при воронежском журнале «Подъем». Затем в Библиотеке «Коммуны» - областной газеты - вышел солидный том «Родюча земля». Стихи и поэмы, прозу с украинского языка на

русский переложили москвичи Юрий Кузнецов и Светлана Соложенкина, воронежцы Виктор Беликов, Виктор Будаков, Евгений Новичихин, Михаил Тимошекин и Петр Чалый. Тоже в «коммуновском» журнале «Кольцовский сквер» опубликована пьеса Плузника «На дворе в предместье».

Имя земляка включено в «Воронежскую историко-культурную энциклопедию».

В первом выпуске литературного, историко-краеведческого альманаха «Слобожанская тетрадь» рассказывается о том, что имени имени Плузника вручаются лучшим певцам на фестивалях Слободской украинской культуры, которые проводит газета «Россошь». Во второй «Слобожанской тетради» напечатана документальная повесть Петра Чалого «Дни ранней осени», посвященная Евгению Плузнику.

И все же, все же, все же...

Надо признать как в России, так и в Украине, широкому читателю недостающая литература, к которой полностью принадлежит наследие и нашего земляка, неизвестна потому, что недоступна. Под прикрытием «рыночной крыши» книжное море расчленило залито бездумным чтивом, которое нравственно и духовно разлагает наши души, причает «потреблять», но - не мыслить.

Преодолевать «тьму» можно и нужно. Опорой нам в этом мировая и национальные литература, культура. Что и подтвердила словами поэта гостя, библиотечаря из украинской Марковки Галина Озерная:

Але ж плывуть,

минають літа...
Час і горами двига.
...І сум не такий,
і радить не та...

Тільки незмінна книга!

Галина Александровна рассказала о жизни и судьбе Евгена, Евгения Павловича Плузника. Детство в слободке Кантемировка. Учеба в русской гимназии города Боброва. Вгоды Гражданской войны - в кровавые годы - учительствовал на родине отца на Полтавщине, зарабатывая на хлеб. Терял родных. И лишь каких-то десять счастливых лет выпало ему на долю в древнем Киеве - жить в кипучей литературной «буче», жить и творить, печататься, издавать книги.

Правдивость, простота и краткость - черты его лирического дара. Боль братоубийственной войны смог выразить в стихах так, как в прозе Михаил Шолохов. То было не только воспоминание о пережитом, скорее всего - предчувствие и предостережение, обращение к миру человеческому: не забывайте прошлое, чтобы вновь и вновь не наступать на те же окровавленные грабли!

А дальше - пушкинский возраст стал роковым. В декабре 1934 года был незаконно осужден. 37 лет от роду большой туберкулезом скончался в лазарете печально знаменитого Соловецкого лагеря.

Поэт, член Союза писателей России Виктор Беликов, профессор Воронежского государственного университета Николай Бирюк, учительница из Кантемировки Любовь Адерихина и другие читали стихи Евгена Плузника на украинском, в переводах на русском языках.

Участники читательской конференции еще и еще раз убедились и утвердились, что и для нас, «потомков непредвзятых», стихи великого поэта важны исторической правдивостью «картины» жестокой эпохи. Главное, они и сегодня, сейчас противопоставят развятию духовного союза славян, вселяют веру и надежду в солнечное завтра.

Петр ЧАЛЫЙ

Григорий Калужный

Все мы еще со школьной скамьи знаем, что Отечество — это прежде всего родная земля, которая досталась нам в наследство благодаря трудовой и воинской самоотверженности наших предков. Народное отношение к ней закрепилось во многих песнях и речениях: «Земля-кормилица», «Своя земля и в горсти мила», «С родной земли — умри, не сходи!», и т. д., однако в состав Отечества входит не только исторически освоенная народом географическая территория, но и его национально-бытийный эфир, непрерывно воспроизводящий и формирующий народ. Для того чтобы родился такой эфир, кроме истории, веков и даже тысячелетий, необходимо было еще и «нечто», изначально образующее язык, эпос, быт, фольклор, веру, и т. д. По выражению величайшего мыслителя и исследователя античного космоса А. Ф. Лосева (1893—1988), взятому нами из его труда «Музыка как предмет логики», этим «нечто» является разлитая в пространстве вечно становящаяся музыка сущностных смыслов (эйдосов), без которой жизнь не просто деградировала бы, но и пресеклась. В самом деле, если возможно было бы неким рубильником одновременно отключить национально-бытийный эфир от сознания населяющих Россию народов, то они сразу же превратились бы в сборище людей, не имеющих понятия о том, кто они такие и каким образом оказались именно на этой географической территории. К счастью, такого рубильника пока еще не изобрели. Но не исключено, что в ближайшем будущем изобретут.

Вот почему выстраданный многими и многими поколениями национально-бытийный эфир необходим точно так же защищать от нечисти, как и свою исконную территорию от вторжения на нее чумы или врага. Такая постановка вопроса не только правомерна в смысле самостояния, но и неизбежна, если мы, конечно, хотим выжить. Именно поэтому А. Ф. Лосев, освещая в своем труде вопрос о сущности времени, которое есть сама жизнь и творчество, не менее категорично и жестко утверждает: «Подлинное искусство только и возможно там, где не сразу всё дано и где каждый момент целого должен быть завоеван, создан, зафиксирован, укреплен».

Иначе говоря, истинное искусство не может возникнуть по произволу вне времени и вне национально-бытийного эфира сущностью смыслов, ибо по самой своей природе оно является их выражением. Естественно, что представители этого искусства относятся к породе духовных богатей. Однако и среди них поэт и писатель Ю. М. Лошица (р. 21.12.1938) занимает свое исключительное место. Эта исключительность состоит в том, что ему удалось не только завоевать и закрепить в своем творчестве чисто бытийные моменты национального целого на современном этапе, но и отвоевать их у забвения. К примеру, в его строго документальной и одновременно художественной книге «Дмитрий Донской» (1980) благоверный князь предстает не просто как самоотверженный организатор Куликовской битвы (1380), но и как самодержавный создатель национально-бытийного эфира на стадии духовного уроднения русичей, без которого и единичность князей не гарантировала внутреннего мира, да и сама битва осталась бы в истории очередным эпизодом русского сопротивления. Справедливо спросить: в чем же это выразилось в повествовании? Прежде всего, согласимся с автором, в смиренном великого князя перед своим жертвенным призывом, проявившимся и в покаянии «пред иконою Господня образа», за многие свои вины, случившиеся по необходимости силового подавления распри между русскими князьями, и в его участии в битве в одеянии простого воина во главе своего великокняжеского полка. К слову, лучшего доказательства духовного и ратного единения верховной власти с народом в тех условиях

нельзя было и представить. Ведь именно этот полк по замыслу Мамаю подлежал первоочередному истреблению. И действительно, многие его вои, в том числе и князья, полегли в этой битве, и как справедливо пишет автор: «Раненого Дмитрия могли и не найти на уже сумеречном поле, а найти, не узнать».

И все же этот провидческий поступок великого князя только венчал

вой, но отеческой власти, — всегда сирота. Потому и правил он по принципу: «Одной рукой надо держать Право, другой же — Правду, милосердную, потесняющую, когда надо, и закон».

Судя по количеству приводимых в контексте книги источников, исследований, уточнений и поправок, внесенных с документальной выверенностью, в эти исследования, ее автор

Не удивительно, что книга имела долговременный устойчивый успех и в Отечестве и за рубежом. А кинорежиссер Н. С. Михалков, снявший в 1979 г. фильм «Несколько дней из жизни Обломова», по его же признанию, под влиянием книги Ю. М. Лошица «Гончаров» (1977) захотел экранизировать и его «Дмитрия Донского», для чего киностудия «Мосфильм» в 1982 г. заключила с Юрием Михай-

своего времени и многие русские князья, одержимые жаждой власти, как показывает автор, вели себя по отношению к соотечественникам ничуть не лучше, а порою и хуже, нежели ордские властители. Он также, исходя из летописных свидетельств, приходит к выводу, что войско великого временщика Мамаю состояло в основном из подневольных племен и окранных наемников, отличавшихся чрезвычайной этнической пестротой, т. е. оно по существу было космополитическим, и посему сражение 8 сентября 1380 г. нельзя приравнивать к битве народов, на чем любят настаивать прежде всего ненавистники России, дабы посеять в ней межнациональные распри.

Скорее всего, истинной причиной запрещения экранизации «Дмитрия Донского» было то, что в случае его массового кинопоказа он бы нанес сокрушительный удар по вымышленной специально для советских людей истории, в которой благоверный князь проходил по статусу представителя эксплуататорских классов. Но возрождение национального самосознания никак не входило в планы советской верхушки, готовившей тайно, исподволь пиратскую перестройку, во время которой, как мы убедились за последние десятилетия, состоялось надругательство над душой народа — в качестве героев ему предлагаются бандиты, убийцы и проститутки, а не делатели на пользу Отечества, да и само слово «народ» в официальной риторике заменено на слово «население». На скрытую подготовку указывает и то, к примеру, что о массовой гибели сел и деревень в стране нельзя было в советские годы ничего конкретно опубликовать. И тем не менее в книге очерковой прозы «Земля именинница» (1979) Ю. М. Лошица ухитрился выйти на эту трагическую тему с неожиданной стороны. Он осветил ее через описание утраты памяти о местных топонимических названиях. Нужно особо отметить, что Ю. М. Лошица вообще мастер мягких и потопу неожиданных ударов по беспамятым, которые насквозь проницают всё его творчество. Всякий может убедиться в этом, прочтя как уже названные здесь книги, так и вошедшие в трехтомное юбилейное издание сочинений писателя (издательский дом «Городец», 2008), среди которых все же нужно выделить книгу «Григорий Сковорода» (1972), поскольку она принесла писателю изначально известность. Это юбилейное собрание предвдывает довольно обширная, глубокая статья одного из серьезнейших наших литературоведов, профессора и доктора филологических наук В. М. Гуминского, анализирующего творчество Ю. М. Лошица в контексте классической отечественной и мировой литературы. Мы же, идя в русле этой статьи, в основном на примере книги «Дмитрий Донской» только затронули те сакральные струны, которые звучат во всех без исключения творениях Ю. М. Лошица и особенно в его поэзии. К сожалению, наши возможности для развернутого разговора о ней ограничены. Однако заметим, что в отличие от стихотворчества, основанного на многовариантной эксплуатации словесной материи, его поэзия вырастает из национального духа, у которого никаких вариантов, кроме как быть самим собой, — нет. Доказательства этому содержатся в книге избранных стихотворений «Величие забытых» (2007).

Повторимся, главное достоинство писателя и поэта Ю. М. Лошица состоит в том, что его творческий эфир не только созвучен исконно национальному, но и равновелик ему. И поскольку сущностные смыслы (вечные эйдосы), разлитые в мировом пространстве в виде бесконечно становящейся музыки, не нуждаются в финансовых вливаниях, а вездесущий Дух истины гуляет где хочет, то можно не сомневаться в том, что те, кто пытается превратить русский эфир в нужник для своих испражнений, закончат свое пребывание на Земле их олицетворением.

Русский эфир Юрия Лошица

К 70-летию известного русского писателя

29 декабря 2008 г. в Союзе писателей России состоялся юбилейный вечер писателя, на котором о. Всеволод Чаплин зачитал поздравительное письмо:

«Да помогает Вам всегда Господь, водительство Вами на всех жизненных путях К 70-летию Ю.М. Лошица Уважаемый Юрий Михайлович! Примите сердечные поздравления с 70-летием.»

Свидетельствую, что в Русской Православной Церкви ценят и любят Вас как настоящего мастера русского слова, который полагает все силы на то, чтобы наши современники знали свою историю и уверенно смотрели в будущее, вдохновляясь примером жизни великих предков, таких как святой благоверный князь Дмитрий Донской и Иван Александрович Гончаров.

Повествуя через свое творчество прозаика и поэта о жизни русского и других православных народов, Вы свидетельствуете о непреходящих духовных и нравственных ценностях, укорененных в Святом Евангелии Христовом. Ваши раз-

мышления о месте человека в истории, о судьбах наций и государств становятся добрым руководством для новых поколений наших соотечественников.

В этот знаменательный день искренне желаю Вам, уважаемый Юрий Михайлович, доброго здоровья, мира, радости, долголетия, благословенных творческих успехов. Да помогает Вам всегда Господь, водительство Вами на всех жизненных путях.

С уважением Местоблюститель Патриаршего Престола, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл.»

На вечере также выступили архимандрит о. Тихон Шевкунов, доктор филологических наук, профессор В. М. Гуминский, кинорежиссер Н. С. Михалков, писатель В. В. Личутин, главный редактор «Воениздата» писатель С. П. Куличкин, писатель В. М. Зиянин и многие другие. Все выступавшие выразили свою признательность любимому писателю и пожелали ему здоровья и дальнейших творческих успехов на благо Отечества.



его усилия по уроднению русичей «не по плоти, а по духу». Будучи так же, как и его вдохновитель преподобный Сергей Радонежский, «сиротой от юношеской версты», Дмитрий Иванович, принявший на себя ношу великокняжеского еще девятилетним отроком, глубоко осознавал природу сиротства. Для него было несомненным, что народ, лишенный пусть и суро-

осуществил едва ли не полную ревизию всего того, что было ранее написано об эпохе Дмитрия Донского. Можно даже сказать, что он довел свою осведомленность о древнерусском космосе до такой степени, при которой сработала генетическая память, продиктовавшая в повествовании логику и психологию человеческих взаимоотношений того времени.

ловичем договор. Однако вскоре по личному распоряжению генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова съемку фильма свернули, «дабы не обижать наших восточных товарищей». В действительности же ничего оскорбительного для оных в книге не было. Наоборот, в ней размывалась почва для мнимых взаимных обид, ибо этносы тогда были заложниками



- Медалью Пушкина награжден Генеральный секретарь Иberoамериканского сообщества наций Э. Иглесиас.
- Россияне постигают сложные характеры классиков скандинавской литературы.
- В Буэнос-Айресе состоялась торжественный вечер, посвященный окончанию учебного года на курсах русского языка.
- В Болгарии встретились выпускники советских вузов.
- Презентация сборника «Эта давняя дружба».
- Стихи Александра Бессмертных.

О ВРУЧЕНИИ В ПОСОЛЬСТВЕ РОССИИ В УРУГВАЕ МЕДАЛИ ПУШКИНА

29 декабря с.г. в Посольстве России в Уругвае состоялась церемония награждения Генерального секретаря Иberoамериканского сообщества наций Э. Иглесиаса Медалью Пушкина.

Выдающийся уругвайский дипломат, политический деятель, ученый-экономист, ранее занимавший должности Министра иностранных дел Уругвая, Исполнительного секретаря Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского Бассейна (ЭКЛАК), президента Межамериканского банка развития, удостоен данной медали за большой вклад в изучение и сохранение культурного наследия в сближение и взаимобогащение культур наций и народностей.

Вручая награду, Посол России в Уругвае С.Н. Кошкин, рассказал о профессиональном пути Э. Иглесиаса и особо подчеркнул его заслуги в распространении русского языка, которым он хорошо владеет.

В ответном слове Э. Иглесиас дал высокую оценку вкладу России в мировую культуру, литературу и искусство. Отметив возрастающую роль нашей страны на мировой арене, он приветствовал активизацию россий-



кой дипломатии на латиноамериканском направлении, наглядным свидетельством которой, по его словам, стал недавний визит Президента России Д.А. Медведева в страны этого континента.

Церемония награждения, на

которой присутствовали представители Правительства Уругвая, дипкорпуса, ученые, деятели культуры, соотечественники, вызвала позитивный общественный резонанс, получила широкое освещение в СМИ.

КЛАССИКИ СКАНДИНАВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПОСТАНОВКЕ РОССИЯН

Под патронатом Посольства в столичном театре «Стриндберг Интиман» на суд зрителей был вынесен спектакль-диалог «Ибсен — Стриндберг». Пьеса — продукт российско-шведского творческого сотрудничества — написана, Верой Биرون, заместителем директора Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского, при участии шведского драматурга и режиссера Агнеты Элерс-Ярлеман. Шведский композитор Гуннар Эдандер написал музыку

к песням на стихи Августа Стриндберга, которые были исполнены во время представления народным артистом России Валерием Кухарешкиным. В образе норвежского драматурга Генрика Ибсена выступил другой петербургский актер — Сергей Бызгу. В постановке также сыграла молодая актриса Алина Михайлова.

Россиянам удалось с успехом раскрыть сложные характеры классиков скандинавской литературы и их непростые взаимоотношения, о чем сви-

детельствовала высокая оценка постановки любителями театрального искусства и представителями культурной элиты шведской столицы, а также СМИ страны.

Финансовую поддержку этому проекту оказали Комитет по культуре администрации Санкт-Петербурга, генеральные консульства Швеции и Норвегии в северной столице, Шведский институт, компания ИКЕА и фирма «Аквафор».

КУРСЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В АРГЕНТИНЕ

В Буэнос-Айресе состоялся торжественный вечер, посвященный окончанию учебного года на курсах русского языка при РЦНК. Торжественную часть, советник Посольства, руководитель представительства Росзарубежцентра в Аргентине Д.И. Кравцов, поздравив от имени Посольства выпускников курсов, подвел итоги прошедшего года и рассказал собравшимся о новых инициативах Представительства, направленных на улучшение качества образования на курсах.

В будущем году планируется кардинально изменить как систему преподавания русского языка, так и оснащение аудиторий. Предполагается приглашать профессорско-преподавательский состав российских университетов для проведения мастер-классов, семинаров, а также организовывать краткосрочные стажировки в России преподавателей языковых курсов при РЦНК. Заканчивается оборудование компьютерного класса, полученного в рамках федеральной программы «Русский язык», открытие которого запланировано на первый квартал 2009 года.

Далее перед студентами выступили ведущие педагоги, которые поблагодарили своих воспитанников за усилия, направленные на достижение намеченных учебной программой задач



и поздравили слушателей с успешным окончанием учебного года. Руководство Представительства совместно с преподавателями вручило дипломы слушателям.

По окончании торжественной части состоялся подготовленный силами слушателей концерт. Студенты первого курса декламировали стихи Пушкина, Лермонтова, разыгрывали сценки на русском языке, демонстрировали знания русских пословиц и поговорок. Бурей аплодисментов было

встречено исполнение под караоке таких популярных песен, как «Подмосковные вечера», «Катюша», «Песенка крокодила Гены»; хору студентов первого курса подпевали все собравшиеся.

По завершении концерта собравшимся был продемонстрирован документальный фильм о деятельности РЦНК и курсов русского языка, снятый силами студентов первого курса, изучающих режиссёрское мастерство в одном из университетов Буэнос-Айреса.

О ВСТРЕЧЕ «СЛАВЯНСКИЙ ПРАЗДНИК» В ВАРНЕ

В городе Варне при поддержке Генерального консульства России по инициативе Общества дружбы с народами России и стран СНГ состоялась праздничная встреча граждан Болгарии, которые получили образование в ВУЗах бывшего Советского Союза.

Участников встречи приветствовал Мэр города, отметивший огромный вклад собравшихся в общественную и культурную жизнь морской

столицы. Обратившись с поздравлениями к собравшимся, Генеральный консул России в Варне призвал их к активному участию в деятельности неправительственных организаций, работающих по укреплению деловых и культурных связей между нашими народами.

На «Славянском празднике» с интересной программой из русских песен выступил вокально-инструментальный ансамбль.

КНИГА О РОССИЙСКО-ИНДИЙСКОЙ ДРУЖБЕ

В Российском центре науки и культуры в Мумбаи (РЦНК) состоялась презентация сборника «Эта давняя дружба», подготовленного ст. преподавателем курсов русского языка РЦНК к.ф.н. С. Дешпанде. В книгу вошли статьи и материалы, опубликованные автором в 2006-2008 гг. в ведущих газетах штата Махараштра, выходящих на языке маратхи. Публикации были посвящены русскому языку и литературе, знаменательным и памятным датам в истории дружественных связей России и Индии, 60-летию установления дипотношений между нашими странами, Году России в Индии, взаимодействию культур обеих стран. Выход в свет книги «Эта дав-

няя дружба» стал очередным проектом сотрудничества РЦНК и издательства «Мехта публишинг хаус» (г. Пуна).

В презентации сборника приняли участие известный киноактер, режиссер и продюсер Р. Капур, генеральный консул России в Мумбаи А.В. Мантыцкий, заместитель главного редактора газеты «Махараштра таймс» Ш. Шидайе, главный редактор газеты «Дайник прахаар» А. Голболе, специальный корреспондент газеты «Дайник саамна» С. Маллик, директор «Мехта публишинг хаус» С. Мехта, директор РЦНК А. Назаркин, представители общественности Мумбаи, отметившие своевременность выхода в свет этого сборника.

Поэты-дипломаты

Александр Бессмертных

ПРОЩАНИЕ

На прощанье утром синим
Ветер тихим клавишином
Пел в распыляемых кустах.
В небе стройно плыли тени
Тая в запахах сирени...
Расставанье было легким —
на устах.

Ну а в сердце рвались нити,
Боль рвалась из укрытий.
Но скрывали их

упрямые слова.
Мы в глаза мельком взглянули,
И огнём зрачки сверкнули,
Словно пламя

из дуэльного ствола.
Души гневно каменели,
Мы как будто онемели,
Не желая даже в малом
уступить...

Ветер тормошил осины.
Небо серым, а не синим
Покрывалом тучи
стали закрывать.

ПОИСК

Смысла я в тебе ищу...
А. Пушкин

В людском потоке пыль,
В людском потоке явь.
Но застигает бьель
Мятежность бытия.
Здесь кто оставил след —
Палач или святой?
Нам отвечают: нет,
То был пастух простой.
А где нам смысл найти,
Христос и Моисей?

В пещерах, чтоб спасти,
Его зарыл ессей...
А к истине тропа —
Скребки на бересте.
К познанию врата —
Морщины на песке.

ДВИЖЕНИЕ

Шамбала,
Шамбала,
Шамбала,
Ты была иль совсем не была?
Ты удачей манила всегда
Без намёка, ключа и следа.
И мы шли, задыхаясь в пыли,
Миражам веря рыжей дали,
Умирали в полынных степях,
Проклиная надежду — не страх.

Пусть ты просто мечта. Шамбала,
Ты зовущим движеньем была,
Ты тянула в далёкий поход
Из протухших
инертных
болот.

ЗАВИСТЬ

Я заметил в расветной отверзости

Черной кошкой мелькнула тень.
Показалось, ночные мерзости
Убегают — приходит день.
Оглянулся и вижу: морщится
Знакомое мне лицо.
Губы змеино корчатся,
Желваки налились свинцом.
И тут острый коготь зависти
Вцепился в моё плечо...

Я вскричал: твоя жизнь не ладится,
Но а я-то, скажи, при чём?
Если кривые ложи
Вели тебя не туда,
Если удачи порцию
Поменьше дала судьба,
Если по красной лестнице
Мало ступенек взяла,
Если любви-кудесницы
Жара не испытал,
То так уж судьба налажена,
А ты ей помочь не смог
Выбрать самую важную
Из паутины дорог.
Жизнь потакает лучшему,
Люби её иль гони,
И впереди бредущего
Не бойся и не вни.
Я просто иду по-своему,
Хоть свъше нам путь и срок.
Все мы рабы иль воины...
И не взводи курок.

Коготь рванул. Истину
Он воспринять не смог.
В глаза мне колко выстрелил
Красный его зрачок.

Александр Александрович Бессмертных в МИДе в 1957-1991 гг. Министр иностранных дел СССР (1991). Посол в США (1990-1991). С 1993 г. - президент Всемирной ассоциации бывших министров иностранных дел. С 1992 г. — президент Внешнеполитической ассоциации. Член Российской академии социальных наук. Попечитель Стэнфордского университета и Университета Райе (США). Почетный профессор МГУ. Ордена Дружбы народов и «Знак Почета». Награды РПЦ: орден Преподобного князя Даниила Московского и орден Петра Великого I степени.

Елена Коломийцева

г. Армавир

Как-то на Кожинской конференции, проходившей в Армавиру, один из самых активных ее участников, известный ученый Сергей Андреевич Небольсин, говоря об армавирской школе литературоведения, заметил, что на южных рубежах России стоят воины, чутко охраняющие интересы и традиции национальной культуры вообще и литературы в частности. Среди них и ученые, и писатели, и политики, и многие другие. Надо сказать, что на Кубани литературоведческие, журналистские и собственно литературные тropy часто переплетаются, принося необыкновенно сильные результаты. Достаточно назвать такие имена, как Ю.П. Кузнецов, Ю.И. Селезнев, В.И. Лихоносов. Взаимобогащающее содружество разных-близких ветвей пронизывает все культурное поле края, продуктивно сказываясь и на деятельности творческих союзов.

Так, писательская организация на Кубани, руководимая ныне Светланой Николаевной Макаровой, была организована еще в середине прошлого столетия, и с тех пор ее работа не прекращалась, несмотря на то, что были и «тяжелые события» (В. Логинов), и раскол, и другие трудности. История кубанской литературы явила читателям много ярких, самобытных имен, украсивших отечественную культуру: Павел Иншаков, Анатолий Знаменский, Иван Варавва, Виталий Бакалдин, Георгий Соколов, Виктор Логинов и другие. Сегодняшнее отделение Союза писателей России на Кубани — живой и плодотворный организм, без которого немислима культурная палитра края, да и России в целом.

Жизнь Краснодарского отделения Союза писателей России насыщена самыми разнообразными событиями: традиционные для писателей творческие вечера, литературные праздники («Милый сердцу город Краснодар», «Новая книга», «Золотая осень (Гулькевичи)»), встречи с зарубежными коллегами (французским писателем Ренэ Герра) и читателями, форумы (форум творческой интеллигенции Кубани), юбилеи, фестивали, круглые столы, литературные конкурсы, охватывающие весь край (конкурс одного стихотворения, конкурс, посвященный Году семьи, и другие), презентации книг (С. Макарова «Солнце за горизонтом», В. Архипов «Дорогие воспоминания», сборник рассказов писателей Северного Кавказа «Война длиною в жизнь»). Свидетелями и участниками этих событий становятся зрители от мала до велика: и пенсионеры, и военные, и школьники, и студенты.

Кубанские писатели всегда принимают участие в серьезных общественных мероприятиях, таких, как, например, 14-ые Всекубанские духовно-образовательные Кирилло-Мефодиевские чтения «Церковь и государство — сотрудничество в возрождении и ук-

реплении семьи», прошедшие недавно в Краснодаре по благословению митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора. Участие это не формальное «были — сидели», а деятельное, душевное, с широким освещением в краевой и федеральной прессе, с донесением «больных» вопросов современности до максимального числа слушателей, читателей, собеседников.

Много внимания уделяется проблемам культуры в контексте современности, роли творческих союзов в культурной жизни Кубани и России в целом. Регулярно проводятся встре-

области поэтического фестиваля «Васнецовские дали».

Уже упоминавшаяся газета «Кубанский писатель» — региональный аналог московского «Российского писателя» — действенный и мобильный писательский печатный орган. В ней сконцентрированы самые разные сведения: и горячие репортажи (Н. Иванов «В Цхинвале появились улыбки»), и собственно художественные произведения (стихотворные и прозаические странички), и различные познавательные материалы, и хроника культурной жизни. Так, в рубрике

жизни читательницы»), С. Сычев «Все это Кубань!» (о книге поэта Владимира Нестеренко «Наша Родина — Кубань»), А. Трапезников «Литературные заметки» (о книге из серии ЖЗЛ).

Особое внимание уделяется читательским откликам, происходит постоянное общение и со-творчество с читателями.

Хотелось бы отметить и не формальное чествование юбиляров на страницах газеты (Валерий Ганичев, Михаил Ткаченко, Георгий Соловьев). Каждая такая статья — не просто скупое поздравление, а рассказ о замеча-

редактора газеты «Литературная Россия» Илья Колодяжный (Москва).

Вызывает уважение обилие информационно-познавательных материалов, имеющих огромную практическую значимость. Так, статья В. Логинова «Не канули в лету», приуроченная к юбилею краевой писательской организации, это не только интереснейшая фактография, но и, по сути, готовый материал для лекции или урока по истории кубанской литературы. Думаю, не один учитель в крае был благодарен Виктору Николаевичу за информацию, которую не найдешь ни в одной библиотеке и которая столь важна для изучения культуры родного края.

Интереснейшая рубрика «Время и судьбы» посвящена работам замечательных людей, причем замечательных не обязательно в смысле всеобщей известности, а важности и нужности того дела, которое они скромно и достойно выполняют. Так, записки учительницы русского языка и литературы Евгении Бакалдиной «Моя школа», в которых трогательно, искренне и проникновенно рассказывается о буднях школьного педагога. Эта статья тоже может стать хорошим практическим пособием для студентов пединститута.

Особого внимания заслуживает традиционная рубрика «Вернисаж «КЛ», посвященная творчеству кубанских художников. Провинциальному творцу трудно пробиться к зрителю и читателю, и такая информационная поддержка со стороны уважаемого печатного издания дорогого стоит. И вновь хочется сказать о несомненной практической значимости таких материалов.

Сейчас во всех российских школах неотъемлемой частью любой образовательной программы является так называемый «региональный компонент» — очень важные и нужные занятия по истории и культуре малой родины. Как-то пару лет назад дочке в школе дали задание найти материал о кубанских художниках. Так трудно было собрать немногие крохи информации в Интернете и немногих печатных изданиях, скупо сообщавших об этом! Если бы тогда нам попался материал «Художник и гражданин» об уроженце Кубани, заслуженном художнике Валентине Папко, это бы существенно облегчило наши поиски, а дети узнали бы о замечательном земляке.

Хотелось бы отметить и еще одно его важное качество: авторами «Краснодара литературного» становятся самые разные люди, а главный критерий отбора материалов — их отличное качество и глубина затрагиваемых проблем.

Думается, что взятое «Краснодаром литературным» (не только в смысле названия альманаха) направление — правильное и важное, а коренящиеся в одной основе русской культуры научно-художественно-публицистические ветви породят новые побеги и новых воинов, которые встанут на страже нашей духовности.

КРАСНОДАР ЛИТЕРАТУРНЫЙ



чи с кубанскими и донскими творческими объединениями «не только для общения, но, главное, для творческого роста, популяризации своих произведений, возможности их публикации в средствах массовой информации и в коллективных сборниках» (Кубанский писатель, 2008, № 9, с. 4).

Не теряются связи с кубанцами, уехавшими жить в другие регионы: одним из постоянных авторов ежемесячной литературно-просветительской газеты «Кубанский писатель» является профессор В.А. Юдин — уроженец Кубани, ныне профессор Тверского государственного университета и депутат Законодательного собрания Тверской области. В специальной рубрике «Голоса России» часто помещаются произведения писателей из других регионов (В. Ерофеева-Тверская (Омск)). Кубанский поэт Владимир Архипов — один из инициаторов и участников проводимого в Кировской

«Любителям словесности» помещаются статьи известных прозаиков и публицистов (В. Дворцова и других). Рубрика «Трибуна критика» содержит соответствующей ориентированности материалы, такие, как, например, заметки журналиста и заведующего кафедрой Кубанского университета (вновь переплетение учено-публицистических «ветвей») Георгия Соловьева о литературно-публицистическом журнале «Кубань». Регулярно публикуются литературные обзоры и рецензии на произведения не только кубанских писателей, но и авторов из других городов, что существенно расширяет читательские горизонты (Н. Щербакова «Высветление духа словом (о книге С. Макаровой «Солнце за горизонтом»)», А. Нибо «Поэтические письма на родину» (о книге К. Мазлумяна «Песнь об Амшене»), Л. Бирюк «Неистовая читательница» (о новой книге Елены Лобановой «Из

тальном человеке, одном из тех самых воинов, о которых говорил С.А. Небольсин.

Как принято говорить в журналистике, газета — это оперативный отклик на события, журнал же и альманах — более аналитичное издание, осмысляющее информацию через некоторую временную «эпическую дистанцию». Так, в поддержку газете «Кубанский писатель» в Краснодаре регулярно выходит альманах «Краснодар литературный», содержащий самые разноплановые материалы, живо откликающийся на события, происходящие в научной, культурной, духовной жизни региона, но уже в расширенном и углубленном формате.

Здесь помещаются более объемные художественные произведения — прозаические (Н. Ивеншев, М. Тарковский, В. Кузьменко, Е. Лобанова, С. Левин и др.) и поэтические (В. Бакалдин, С. Хохлов, Н. Переяслов, Л. Мирошников, В. Жорник и др.), странички для семейного чтения (М. Мелихова «Чудо-облачко над крышей», М. Тараненко «Шел по лестнице ребенок...»). Иногда альманах становится дорогой в свет и школой мастерства нового автора, поскольку публикуемые произведения активно обсуждаются и комментируются читателями в обширной почте.

Более внушительное место отводится литературоведению и литературной критике. В соответствующем разделе «Литература: традиции, проблемы» помещаются острые, интересные работы, посвященные творчеству современных авторов и авторов прошлого века (Ю. Павлов «Ю. Казаков: штрихи к портрету», Л. Бирюк «На гребне современности» (заметки о творчестве Юрия Бондарева)). В рубрике «Литературные чтения» помещен один из лучших докладов, сделанных на армавирской Кожинской конференции, «Вадим Кожин и русская смута». Автор — заместитель главного

Поэзия

Александр Абалихин

ЖУРАВЛИ

Холодные с прелью туманы,
Хрустящую скатерть стекла,
Сошли на лесные поляны.
Вся в шее белом земля.

А небо в неясной тревоге —
Плывут, не спеша, журавли.
По вечной небесной дороге
Пути этих стай пролегли.

За лесом их клич стихают.
В тоске замирают поля,
Когда журавли покидают
Свои теплые края,

Где россыпь янтарной морошки
И мох изумрудный болот,
Где царство звенящее мошки,
И красный, как клюква, восход...

В вечерней электричке
В пустом вагоне ветер нежный
В лицо мне бьет своим крылом,

А за окном поля безбрежны...
И муха бьется о стекло.

Горят костры на старых дачах.
Дымы укутали овра,
Ночные призраки там пряча...
А мне не вырваться никак

Из плена сладостной истомы.
И, наслаждаясь полусном,
Душа моя, мечтой ведома,
Вдали блуждает за окном.

Там солнце скрылось, лес темнеет,
Там воздух плотен и душист.
Плывет туман, в полях синееет...
Но слышен электрички свист!

И вспыхнул яркий свет в вагоне.
В окне — густая темнота,
И ждёт на городском перроне
Меня смешная суета.

На поля с искристою росой,
Смыв цвета, и растворяя грани,
Наплывают с нежною тоскою
Сказки, утайнные в тумане.

Сколько раз ко мне весна придёт?
Сколько раз душа моя воспрянет?..
Тихая метель уже метёт:
Яблонь цвет так быстро облетает!

От красок, зноя, духоты
И утомленья пряным летом
Ко мне являются мечты
О зимнем городе бесцветном...

В уютном стареньком дворе
Я вижу, отдохнув от бега,
Туман неона в фонаре
И хлопья тающего снега.

Порой сжимает мне виски
От срада выхлопов и гари.
И облака мрачны, низки,
И улица в тяжёлой хмари.

В автобусах на стёклах муть
И грязь в салоне чёрной кашей,
Но только как волнует грудь
Мне город мой своим пейзажем!

И почему мне так близки
Громады хмурых грязных улиц,
На лицах признаки тоски,
Сырой асфальт и пятна лужицы?

Моя Россия... Медуница.
Шмели, жужжащие в тиши.
Ночные летние зарницы,
Тревожная печаль души...

Соловухи поют в тумане,
Таясь в кустах от глаз людских,
И сладко ландыши дурманят
Сиропным запахом тоски.

Кукушка радуется отсчётом
В сокрытом чаще алтаре,
И ласточки своим полётом
Склоняют небеса к земле.

Небесных паутинок тень
Ложится на листу золотую,
Короткий, милый сердцу день
Согреет роцую снегу.

Зимой теплее детский смех.
Зима — пора смиренья духа,
Леса одеты в белый мех,
Синичий звон — мечта для слуха!..

Здесь воздух мой, трава моя,
Под ряской спящие затоны,

Мороз и снежные поля...
И песни русские, как стоны.

ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ

Я слышу нежный шёпот ночи.
Отворено в мой сад окно:
Луна разорвана на клочки,
В саду и душно и темно.

Ещё заметен край у леса
И ёлок маковки вдали.
Там избавляя нас от стрессов,
Весною пели соловьи.

Я рад, что светят звёзды сочно,
И счастлив, что я — на Земле,
Что всё надёжно так и прочно:
Душа и в неге, и в тепле...

Но знаю я, что в одночасье,
Когда придёт ко мне закат,
Заменим мир простого счастья
В окне чернящий квадрат...

ИЮЛЬ

Жара. Пшеница. Пыль. Полюнь.
Стрекозы. Небо. Птица. Силь.
Дорога. Солнце. Ветер. Даль.
Миг. Трениет. Облако. Печаль.

Михаил Zubavin



Я везде на свете иностранец,
На чужбине не укоренюсь,
Я достану свой походный ранец
И потоплю на дедовскую Русь.

ИЗ НОВЫХ ВОРОНЬИХ ПЕСЕН

Восход над водами эгейскими,
Каркая, стая встречает.
И за то пелухами грецкими
Народы нас величают.

Петухи грецкие закаркали.
Солнце встает над водами.
А туристы над столами хоровами
Поплеслись за жарким и шварками.

ЧЕРНОМОРСКАЯ НОСТАЛЬГИЯ

У Черного моря нет краёв,
Лишь горизонтной дали длань.
В Эгейском: куда ни глянь — остров
Или другая грань.

Луна нашлась через неделю,
И мы полночи гимны пели,
Ведь наша спутница над нами,
А не за полуостровами.

Солнце ещё не взошло над плато,
На всём побережье лишь я и птицы,
А Черное море не виновато,
Что я встречаю не с ним зарницы.

Где-то есть, верно, Греция
И вне курортного края...
Элады разбилось сердце.
Нет на земле рая.

Но если нет рая в небе,
Кто в трубный час разбудит?
Нет крови в вине, нет плоти в хлебе,
И мы мураши, а не люди.

Писал что-то Аристотель
после физики,
Атомами бредил Демокрит,
А на полуострове Халкидики
Обнажённый турист лежит.

Путь завершает Сократ земной,
В Москве Платон на моём столе,
И не растопит эгейский зной
Пулю в дульном стволе.

Может, и меня попутал бес.
Зря я навожу скуку.
Но ведь от Элады до небес...
Просто протяни руку.

Православие давно в Москве,
А Константинополь в Турции,
Вся Элада в курортном песке
Глобальной мировой революции.

И цветёт пусть этот дивный пляж.
Есть место подвигам на Руси.
Не плачь, Андромаха, плюмаж
Мне боевой принеси.

Здесь совсем нет тревог
И ничего не снится,
Хотя сон валит с ног
Хваткой волчицы.

А утром море фырчит на песок,
Плещется и резвится,
А на небе огненный пояс,
А потом и сама жар-птица.

И не замечаешь дней,
И ветры выносят вон грусть,
Но всё сильнее и сильнее
Тянет на синюю Русь.

Над Эгеем в греческой таверне
Пыл вино и думал о сыне.
Дети, деточки, поверьте,
И в жару кровь в жилах стынет
На изнеженной чужбине.

Плющит берег моря молот,
Солнце швыряется жаром,
Эгей до безумия молод,
Клокочут мечты паром,
А в космосе вакуум и холод.

Сыновья мои поверьте,
Вечность жизни не царица,
Я не подданный у смерти,
Время — марка на конверте,
Прошлое не повторится.

Эту древнюю Эладу
В детские изведаль годы...
Гера, Афродита, Паллада,
Яблоко, война, свобода...

Эти древние поэмы
Сказками слывят поньше.
Есть теперь бордели и гаремы,
Ни одной живой Богини.

Обернулось время сном,
Легендарные герои
Не уходят за руном,
Не сражаются у Трои.

То же дивное вино
И Эгейская услада...
Хотя в Греции давно
Нет Элады.

Много островов среди морей,
Помню, убоявшись наказания,
Поплутав, сбежал в Италию Эней,
Навсегда покинув Азию.

Но со всех концов земли сюда
Собираются Энеевы потомки.
Варвары разрушили античные суда,
Затянуло время их обломки.

Но жива Элада в сердце моём,
Правда есть на море-окияне.
Мы песни такие ещё пропоем...
С ног попадают латиняне.

Аполлона стрела
Не пронзит ничью грудь.
На долблёных челнах
Русь пускается в путь.

Убоится Царьград
Выступать на брань
И подарит обряд,
И заплатит дань.

Я читал Гомера
На родном языке,
И Христову чтил веру
на Москве-реке.

И без русского лада
Среди русских полей
Нет покоя Эладе
В юдоли своей.

Хмурилась царская охрана,
Ограждая императора от Индий,
А на берегу чужого океана
Солдаты, чавкая, хрупали мидий.

Страшиться их и индус, и перс,
А им обрыдли все благования.
Им убраться бы из этих мест
На родину, в Македонию.

Сколько газа не продай,
а нефти не отлей,
Всё равно не повернёшь земную ось.
Будешь ты желанным
на чужой земле,
Но не свой, а лишь желанный гость.

Заколотен досками прадедовский дом,
И на пустоши не колосится рожь.
Так певали раньше деды за столом,
Что мороз по коже и на сердце дрожь.

Знаю я, воздушные мосты
Землю превратили в караван-сарай.
Но предавший пращуров мечты
Никогда уже не вступит в рай.

Вертится планета
по законам Божьим,
И свернуть с пути ей не дано.
Я свою Россию ощущаю кожей.
В жилах кровь бежит, а не вино.

«МЫ ПОВЕРИМ В СЕБЯ...»

Вспоминаю декабрь 1978 года... Именно тогда пришёл я по газетному объявлению в Межсоюзный клуб студентов (существовал такой в Омске) на первое занятие литературного объединения, первым и многолетним руководителем которого была Татьяна Четверикова. Более восьмидесяти «гениев» осветили, как многим из нас казалось, своим присутствием стены одной из аудиторий Облсовпрофа, где и располагался тот клуб... А сколько осталось через тридцать лет в литературе? Смею надеяться, автор этих строк, Марина Ульбышева, живущая ныне в Калуге, да Марина Безденежных. И не скажу, что среди тех, кто расстался с поэтической строкой (пишущих прозу из того состава не помню), не было интересных ребят, да вот дыхания не хватило, что ли...

Гораздо позднее, когда литературное объединение Татьяны Четвериковой после нескольких лет «затишья», возобновило свою работу, пришли Валентина Ерофеева (Тверская), Анатолий Ларионов, Альбина Соляник... Навскидку: за тридцать лет существования лито — десять-двенадцать членов СП. Нормально. А то, как пошутил один из моих знакомцев, «все бы стали поэтами, кто бы строил дороги?» Ну так некоторые поэты и дороги строить могут, хотя в чём-то он прав.

Впрочем, никто же не идёт строить дороги, не умея этого... Вот разве что на подсобные работы, а так — учиться надо, сочтя «теорию с практикой». Но сегодня — написала девица десяток плохоньких виршей, и бежит уже на папины-мамыны деньги книжку печатать. И редактор не нужен. И учёба не нужна. И труд каждодневный... Только в Омске таких книг — по несколько десятков, если не больше, ежегодно...

Вот и на недавнее Омское областное совещание молодых писателей многие пришли не с рукописями, а именно с книжками. За папины-мамыны деньги. Гордытакие... И почти не было в них открытий, увы. А из более чем двух десятков рукописей обратили на себя внимание четыре. Четыре молодых стихотворца — будущие участники и Всероссийского совещания молодых писателей, которой пройдёт в феврале в Сургуте. Много или мало? Нормально. Жива молодая омская поэзия... Во многом, благодаря членам Союза писателей России Татьяне Четвериковой, руководителю поэтической мастерской при ОмГТУ, Марине Безденежных, руководителю областного молодежного лито Омской организации СП РФ, председателю правления областной писательской организации Валентине Ерофеевой-Тверской. А жива Поэзия — жива и Россия.

Юрий ПЕРМИНОВ



Григорий Глушинёв

Родился в Омске. Окончил среднюю школу, профессиональное училище №48, Омский строительный техникум. Работает на стройках города. Участник областных совещаний молодых писателей в Омске, и межрегионального слёта молодых литераторов в Тюмени.

Я люблю этот город в огромных
Площадах
и сердечно привык
Видеть толпы людей незнакомых,
И гудящие «пробки» в час пик.

Но всё чаще ловлюсь на подвохе:
Как бы ни были чувства крепки,
Только шаг от любви к суматохе,
До бескрайней, как время, тоски.

- Ты хотел бы вернуться на реку
Тишину?
Леонид МАРТЫНОВ
Река Тишина никуда не бежит,
Под знаменем вечности мирно молчит.
Река Тишина не черна, не бела,
Невидимым светом тягучим светла.

Не ходят ужасные слухи о ней,
Что выход закрыт для земных кораблей.
Никто и не видел её никогда,
Но все возвратимся однажды. Туда...

И станем по росту и сердцу равны...
Не выйдет никто из реки Тишины,
Ведь нет у неё берегов, даже дна.

Безмолвие...
Космос...
Река Тишина...

Галина Рымбу

Родилась в Омске. Студентка I курса факультета теологии и мировых культур ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Участница областного совещания молодых писателей - 2008, и межрегионального совещания в Оренбурге (ноябрь 2008 г.), где получила грант на издание первой книги.

Вот двери в мир огромный.
Хочешь — входи.
Гуляй по улицам, люби
Неоновый свет.
А после вновь ступай домой,
печален и дик,
Сиди на кухне или смотри TV.

Там псевдоискусство качает права,
Какой-то умник в очках —
мол, бедности нет...
А я готова времени в рожу плевать,
Когда пьют мальчишки за первый снег,

Когда мой сосед плачет,
вспоминая Афган,
И каждый слоган счастья —
жесток и нелеп,
Когда родная мама в ранье и в долгах,
Когда зимою мёрзнет старик «за хлеб»,
А мимо чешут авто... Им ли
люта зима?
Им рукоплещет «элита»
сквозь муть интриг...
А я готова планетную ось сломать
За каждый холодный взгляд,
за каждый безумный крик.

Встаньте,
взрывающая кладбищенский холод,
Все, кто когда-то был несогласный.
Я зову вас.
Кружусь вместе с воронами
Над могильной коркой снежного наста.

Встаньте! Проснитесь,
великие мёртвые,
На голодные,
замызганные улицы выйдете.
Встаньте хоть вы,
заступитесь за Родину,
Если не могут живые...

Антон Школьников

Родился в Омске. Окончил среднюю школу и школу искусств. Студент 3-го курса факультета гуманитарного образования ОмГТУ. Участник областного совещания молодых писателей.

ШАГ ВПЕРЕД
Каждый в рост
Здесь встает —
Сникнуть, значит — сунуть.
Выбор прост:
Шаг вперёд,
Или пуля в спину...

В небе — крест!
Люди врозь,
Сборный пункт в могиле...
Выбор есть:
Взгляд насквозь,
Или вдох навывет...

В грудь штыком —
В землю кровь...
Лучше бы вилами!..
Кто о ком

Вспомнит вновь
После шага в пламя?

Гролом сталь
Небо рвёт,
В небе тонет рапорт...
«Кто устал!?!» —
Шаг вперёд!
То есть — шаг на Запад.
Кто упал? —
Шаг вперёд,
И назад ни шага...
Запад знал,
Кто взовёт
Знамя над Рейхстагом.

ПЕСНЯ СТРАННИКА

На закате дня тьму хотел понять,
Умолил просил
Сил...
От лихой воды — ледяной воды,
Да на грудь давил
Ил...
Ты души не спас от недобрых глаз,
Цепь смертей теперь
Смерть...
Красил правдой ложь,
жизнь свою — ни в гроши,
Но придёт, поверь,
Смерть...
Ты теперь мишень для чужих ушей,
На плечах грехов
Холм...
Мне б Тебе служить,
груз с себя сложить,
Да не даст веков
Ком...
Здесь покой ума,
здесь ни свет, ни тьма,
Здесь кровавых плах
Крах...
Ни добро, ни зло — над погостом слов
На семи ветрах —
Праха...

Николай Эйхвальд

Родился в Омске. Окончил исторический факультет ОмГУ им. Ф. М. Достоевского в 2002 году. Работает в книжоторговой фирме. Автор книги «Свет не погаснет» (Омск, 2007 г.), стихи публиковались в коллективных сборниках.

Участник областных и межрегиональных совещаний молодых писателей.

УТРО СТРЕЛЕЦКОЙ КАЗНИ

Одиноким рассвет возвращался —
далёкий и прежний,
И короткие тени ушли,
ожидая чего-то...
Это раннее Солнце,
как самый последний мятежник,
Приблизилось к ступеням,
с другой стороны эшафота,
Непрямые лучи
обнажая в упрямом замахе,
Как протанутый крест —
по законам, для нас сбережённым...
И стрелы забубённые головы
клали на плахи,
Словно из темноты...
Но темно было только вначале:
Если нам не забыть,
так хотя бы не думать об этом!
Как румяные вдовы христосовались
с палачами,
И голодные псы любовались
безумным рассветом
В обезглавленном горе,
как чьи-то тела изувеченном,
В этой страшной эпохе
убитых теней и надежд...
Но стрелы уходили.
А Солнце — огромное, вечное,
Одинокое Солнце —
начинало последний мятеж.

Мы поверим в себя
и забудем про высшую милость:
Благородный порыв
для рассудка почти невозможен,
Только нищенка эта
просить ещё не научилась,
И её не уверить ни правдой,
ни сказочной ложью,
И никто не поймёт —
где-то рядом и где-то над нами,
Даже наша судьба,
не узнав безысходности этой,
Проявляет дождём высший уровень
Не — по — ни — мать — я,
Вспоминая старушечьи руки
асфальтного цвета...

...Он открывал холодные уста,
Он говорил, наверно, веря в чудо:
- Подайте хлеба, именем Христа! —
И добавлял:
- Меня зовут Иуда...

Лилия Беляева

У него стоят две машинки. Одна старая, разбитая вдребезги, и новая. Он поглядывает на них. И только. С правой рукой у него ерунда. Отказалась печатать. Хотя, вроде, недавно он одним пальцем набивал за пятьлетку десятки миллионов знаков...

Звонит и часто вовсе не ко мне, а прямо к Господу:

— Только месяц прошу! Один месяц! И забирайте! И пусть петрушка поверху!

После операции хирург шлепал его по щекам и просил:

— Николай Павлович, ну скажите что-нибудь! Ну, что-нибудь!

Выбираясь из забытых, Кузьмин сказал:

— Да здравствует Советская власть!

Так что это такое — «неисправимый советский»? На фоне зоологического антисоветизма распоясавшихся шведских-кабаковых-раджинских и прочих «богоизбранцев»?

Думается, ответы Н.П. Кузьмина из телефонных наших бесед многое объяснят. Тут ведь как на духу.

Итак...

Нет, прежде отрывок из автобиографических «Ночных бесед» (журнал «Молодая гвардия», 1989 г.), чтобы сразу, наглядно отсечь мастеровитую, «вещественную» прозу Н.П. Кузьмина от расхожей жиденькой скорописи беллетристов:

«Любят, очень любят наши интеллигенты, кичащиеся своей, так сказать, народностью, исконностью, средь собеседника вопросом: «А ты хоть лошадь-то сможешь запрячь?» Много раз доводилось выслушивать эту хвастливую ахинею и мне. Глушцы! Старую смиренную лошадь не запряжет разве что безрукий. А вот попробовали бы вы запрячь корову!»

Каждому деревенскому мальчишке знакомо чувство ответственности, когда ему впервые доверяют снарядить Буланку или Серка. За деловитыми хлопотами крохотного мужичка лошадь наблюдает с добродушной снисходительностью и в чем только может помогает ему. Она немедленно поддевает головой хомут и вскинет его себе на шею, так что мальчишке останется лишь расположить на лошадином теле сбрую. В оглобли она тоже заступит сама и еще оглянется, как бы проверяя, все ли мужичок делает по правилам».

Или вот про спортивные дела. Как обтачивает детали и при этом еще «нахально», ритмично выпевает он фразу за фразой:

«Массажист, словно maestro перед инструментом, посуровел, потряс над головой огромными кистями и вдруг с лицом сосредоточенным и вдохновенным с размаху опустил их на притихшее расслабленное тело. Скачков сначала вздрогнул и напрягся, но вот шлепок, другой, потом протяжное движение, и он закрыл глаза, почти забылся. Матвей Матвейч был великий мастер. Скачков, кряхтя, постанывая под его безжалостными каучуковыми пальцами, все больше ощущал, как отжимается из мышц усталость, не стало вялости и лени, и плечи, бедра, ноги затребовали напряжения и борьбы».

— Как, по-вашему, рождается прозаик?

— По-моему, всеначинается с необоримой силы — писать. Главный инструмент — чугунная задница. Умри, но не халтурь. Прежде чем смастерить свою первую повесть — я горы литературы перемолол! Наизусть выучил десятки страниц из любимых Шолохова, Леонова, Малышкина, Бунина... И так далее и тому подобное.

— Стало быть, вы все свои достижения склонны приписать прежде всего упорству, воле, целеустремленности...

— Мое основное «достижение» то, что родился в советской стране. Родители — крестьяне, деревенщина. Отец кое-как выучился читать, мама была неграмотная. Сейчас модно стало даже среди патриотов, выпестованных советской властью, вытаскивать ее из захолустных углов, пинать эту самую советскую власть, оплевывать революцию семнадцатого года. Неблагодарные недоучки! Глухие-слепые воспеватели будто бы зо-

лотого века патриархальности при царях! Бывало, за зиму-то нарожают натаскают полны избы, а как весна — всех стаскают на погост», рассказывали мои родные про то «золотое» для простого люда время. Врача в округе — ни одного, об аптеке и не слыхивали. К тому сейчас и ведут нас устроители «нового порядка! Радуйтесь! Умиляйтесь! Зарывайте глаза на то, что в продовольственную кабалу от заграники кинули нынче нашу страну «благотели-демократы! Не желайте знать, певцы патриархальщины, что накануне коллективизации 70% полей крестьянин засеивал вручную, примерно половину убирал серпом, столько же обмолачивал цепами. Самые продвинутые, что из «патриотов», что из «богоизбранцев», клянут колхоз и превозносят НЭП. Да, мужик при том НЭПе получил землю, смог жить зажиточно. Но город-то он не накормил! В магазинах и ресторанах роскошествовал только жулик!

оказался так мил режиму реформаторов-авантюристов. Кто и сам участвовал в издевательствах над священными понятиями «Родина», «патриотизм» или помогал безмолвием, непротиплением разлагать нашу молодежь с помощью вражеской пропаганды.

Помню, попросили поехать в Афганистан и выступить перед нашими бойцами фронтовика Окуджаву. Отказался. Евтушенко спесиво заявил в ответ на такую же просьбу: «Вы меня оскорбляете!» Зато в «Огоньке» опубликовал стихотворение «Афганский муравей». Трудно представить себе что-либо более гнусное, глумливое! Не выезжая из-за рубежа, в три горла пожирая там всевозможные подачки, он упрекал наших ребят за преданность, за верность воинскому долгу! Изображал из себя борца с «застоем!» Ах уж эти мне мародеры и архаровцы! «Перестройки!» Перевытисли наглые!

— Откуда в вас, пожилом, много чего повидавшем человеке, такая

шил, не сказал. И так все ясно. Столько перелопатить материала и создать, вопреки всем измышлениям недругов советской власти, неутрачивающему реву очернителей гигантской фигуры И.В. Сталина, — удивительно убедительную картину ожесточенной, праведной борьбы вождя за возможность любого простого человека пользоваться благами советской цивилизации!

Между тем, семья Успенских, потомков священнослужителя, пострадала от репрессий... В 1942 году у них отняли отчий дом в родном Одоеве, а их сослали в Сибирь. «За пособничество немцам...» И там, в Сибири, пятнадцатилетний Володя вкалывал и на лесоповале, и в артели золотодобытчиков. И как страдал! Он-то, насквозь советский! А мать его, учительница, полы мыла... Но она-то и не сдавалась, написала Сталину. И пришла реабилитация... Володя не озлобился, не отрестился от советской власти. Он

вание исторических процессов, книга-подвиг «Тайный советник вождя». Что дальше? Говорю ему: «Главное не влезть в болото диссидентства. Подпольно торжествовать — на хрен нужно. Отправляй рукопись в ЦК». Оттуда: «Никаких возражений нет». То есть, можно печатать. Но где? Кто рискнет? Я понес рукопись к Анатолию Иванову. Тот: «Ты что...?!» Он, рискованный, опубликовал незадолго до того «Протоколы сионских мудрецов». Вой, гавканье, угрозы... Через месяц убили его дочь, полковника милиции. Отнес «Тайного советника...» в «Наш современник». Пролетал там в неужности полгода. И тут приехал редактор «Простора», мой друг Геннадий Толмачев. «Слушай, — говорю, — тут такое дело...» За ночь он осилил роман и: «Старик, я беру!» И хоп — пошли в свет номера с «Тайным советником...» Там, в Алма-Ате! «Богоизбранцы» подняли гвалт невероятный! Их зоологическая злоба вспике-

Исповедь на выстрадавшую тему

Только телефорум «Имя Россия», где бывшие советские вожди вдруг заняли лидирующие позиции, напомнил нам: поколение, освоившее целину и вечную мерзлоту, покорившее космос и создавшее наукоёмкую промышленность, нигде не поведальось и идеалов своих не поменяло.

Вот и Лилия Беляева (между прочим, если кто не забыл, талантливейшая наша писательница!) принесла к нам в редакцию в ка-

нун 80-летия Николая Павловича Кузьмина свою беседу с этим известным прозаиком и попросила: напечатайте, это же живая душа!

Мы прочитали. И вспомнились буниевские «Окаянные дни», вспомнились меньшиковские «письма к близким»... Слово и не было почти века между двумя величайшими трагедиями в нашей русской истории...



Рабочий от станка лишь сатанел! И так бы подумали, дуры головы, нынче способны мы одолеть врага России при разваленном сельском хозяйстве? Морковью из Израиля, картошкой из Египта закидаем супостатов?

Да, я — за советскую, мою родную власть. Она дала мне все, начиная с бесплатного образования. Она выучила меня почитать правду, справедливость и презирать лицемерие, халтурничество. Это советская школа навсегда убедила меня в том, что прежде всего, достойнее всего думать о нуждах Родины, а потом уж «качать права» для себя. Не шкурника и лизоблюда подсовывала в качестве примера, образца, а учила восхищаться героическими, самоотверженными личностями. Книжки, газеты «сталинского времени» прославляли не ловкачество, а героизм. Помню и сейчас газетный снимок в первый год Великой Отечественной: наш русский солдатик с топором в руке на немецком танке. Возможно, в мирной жизни — колхозник. Возможно, оставил в деревне жену с ребятишками да полмешка свеклы. Возможно, среди его родни были и обиженные властью. Но в бою он не дрогнул, не лег в ужасе на землю, а изловчился и вскарабкался на железный панцирь немецкого страшнороба, ахнул топором, то есть оружием времен Куликовской битвы, по стволу пушки, и танк, как боевая единица, вышел из строя. Как он все это осилил? Вот истинная загадка русской, славянской, советской души!

— Но ведь вылезшие из кухонных гетто «демократы» как только дорвались до «свободы слова», тотчас принялись осмеивать эту самую русскую, советскую душу...

— Я бы их всех, дай мне волю, поставил «к стенке» правосудия! Окуджав, евтушенков, вознесенских, оскоцких, черниченков, — всех, кто «воспевал» перестройку-катастрофу, кто

яростная, атакующая энергия?

— Да все отсюда же, из советского прошлого! Когда я, только что испеченный комсомолец, подал заявление с просьбой послать меня «на восстановление Ленинграда». И вот еду с родного Алтая в центр страны. Ошеломляющее впечатление произвела Москва, светлое и теплое метро. Дальше — Ленинград. Глубокая зима. Бледные мучнистые лица переживших блокаду. Изумление: никто не толкается в очередях, а рано утром каждый ленинградец берет дощечку на веревке и спускается из квартиры очищать город от снега...

— А вы что там делали?

— Нас определили на работу грузчиками. Жили на корабле. Донимал голод и холод. Но надо — так надо. Наша задача — по узеньким сходням таскать мешки с углем на судна. Сходни обледенелые, один неверный шаг и — бултых в ледяную воду. Грузчики на берегу кидали уголь в наши мешки осмотрительно, оберегали нас. Мне не повезло. Появился огромный детина, старший механик, разрылся руганью, мол, почему так мало сыпете? Потребовал нагрузить мой мешок доверху и кинул его мне на спину. Резкая боль в становом хребте помутила свет в глазах. Как потом выяснилось — между поясничными позвонками повредилась хрящевидная прокладка.

— Жалели, что поехали в Ленинград?

— Нет. Благородство, мужество коренных ленинградцев покорило. Обнаружил столько красоты в этом чудесном городе!

— Вот призовет вас Господь, а что вы еще готовы предъявить в оправдание своей жизни?

— «Джан». Я выловил эту рукопись в «сером» потоке. Еще когда заведовал прозой в журнале «Простор» в Казахстане. Читал всю ночь. Страдал от восторга. Помчался в редакцию, чтобы приобщить к своей радости всех там, и прежде всего редактора. Но тот, «битый», долго сопротивлялся обаянию сверхталантливой прозы Андрея Платонова. В конце концов удалось напечатать... Скандалище! Год-то 1960! Перестраховщики бдят! Но спасло и Андрея Платонова, и меня от «мер» внезапное письмо из Югославии... Там признали шедевр. Ну и, конечно, Господь спишет часть моих грехов за то, что я слабенько приложил ручонку свою к «делу о реабилитации И.В. Сталина». Конкретно: мой друг писатель Владимир Успенский долго-долго работал над книгой «Тайный советник вождя». Окончательно добил через 30 лет! Звонит мне: «Закончил!» Отдал мне читать. Встретились. «Ну, как?» «Надо пробовать». Про то, что он подвиг совер-

рвался на фронт и добился своего — в 1944 году его отправили в школу радистов на Тихоокеанский военноморской флот!

Он служит на сторожевике «Вьюга». Война с Японией. Во время боевых действий в тылу японцев был ранен, контужен, но из боя не вышел. Получил высшую матросскую награду — медаль Ушакова!

Была, была у него обида «на Сталина». В 1947 году командование корабля направило его, уже члена КПСС, в Ленинградское военноморское политическое училище имени Жданова. В 1948 году он участвует в параде Победы в Москве. И... его отчисляют из училища. За «пятнышко», то самое... Мало ли, что медаль Ушакова и все прочее! Мог и тут «озвереть» и проклясть подлецов, «олицетворявших» советскую власть. Нет, не стал расчесывать свои коросты. Ни тогда, ни потом. Любовь к Отечеству взяла верх. Любовь к Правде погнала в архивы, запасники библиотек... И вот вам — многостраничное исследова-

ла до небес! «О Сталине как о великом полководце?! Как о прозорливом государственном деятеле?!» Генку хотели судить. Да Кунаев не дал. Тираж журнала с двух тысяч подскочил до ста шестидесяти пяти! Читающий народишко страны носился в поисках «лишних экземпляров». В ход пошли ксероксы с текстом! С Камчатки прислали! Из Киева просили прислать! То есть бомба разорвалась и взрывом взметнуло ввысь интерес к истории своей страны, к «заплеванному» диссидентурой и их западными хозяевами И.В. Сталину. И пошли массовые издания, в том же «Прометее». И такая свержела свалилась на Успенского! А он? А ему? С утра до ночи в новой работе. Пишет роман «Неизвестные солдаты». Истовый труженик! В январе 2001 года звонит. Спрашиваю: «Чего такой ликующий голос, аж в ухе звенит?» «Старик я поставил последнюю точку!» И — всё. Умер в одиночестве через день. Считаю — достойный конец для писателя. Вот бы... Ододел и...



НАСНИМКАХ:
— 1983 год. Первая командировка в Афганистан. Кабул.
— 1956 год. Н. П. Кузьмин только что принят в Союз писателей СССР.
— 1991 год. Н. П. Кузьмин с профессором Литинститута А. Б. Томашевским и писателем В. Д. Успенским.

Во весь рост

«Неизвестные солдаты», «Тайный советник вождя» и сейчас идут на расхват. Но некие «тайные гении» нахапали с помощью своей «кодлы» столько премий и наград! Записались в какие-то там мало кому ведомые академии! А вот Владимир Успенский... Ну да он сам плевал на «раздачи слонов бегемотов». За ним — всенародное признание. Десятки книг. Помню, мне, который не рассырал и не подписывал своих книг никаким «полезным» тетям и дядям, Робка Роджественский сказал: «Старик, ты поступаешь опрометчиво. Если ты не раздал писателям и критикам 300 экземпляров, то, считай, твоя книга не вышла, тебя в литературе нет».

— То есть, вы в какой-то степени в обиде на тех же критиков? Замолчали...

— Нисколько. Считать себя «главнее», к примеру, Александра Малышкина? Великолепный писатель! Но кто о нем сегодня знает? Если в либерально-демагогическом угаре все те же «богоизбранцы» охавают блестящего, насквозь русского Алексея Толстого? А где память о Леониде Леонове, замечательном, редкостном таланте? И как мы, писатели, проводили его в последний путь? Мне позвонили, сказали: «Умер Леонов». Пошел в ЦДЛ. У дверей — машина, шофер... И — никого. Борт опустили. А тащить гроб внутрь дома литераторов некому. Потом подошли... Я нес гроб своего любимого писателя и великого человека с благоговением... На сцену Большого зала. Нет, не набился народ. Половина помещения пустовала... А вы говорите...

— Лично для себя что вы хотите?

— У меня в башке варится окончание «Черных тюльпанов перестройки». Но... здоровье... Очень хотел бы найти издателя на «Тюльпаны»... И на роман о прекращенном писателе и страдальце Юрии Домбровском. Называется «Голгофа писателя Юрия Домбровского». Там много документального материала и о ярких, самобытных алма-атинцах. О том же исключительно советском, непримиримом к врагам Отечества, моем старшем товарище Баурджане Момышлыу. Это панфиловец, герой, чудотворец. Он первый упрекнул меня, мол, что же вы, русские, такие мягкосердечные, всепрощающие, вам дорого это обойдется... Прозорливец...

— Какое последнее впечатление от нашего бытия царапнуло сердце больше всего?

— Смерть Лены, «маленькой» сотрудницы журнала «Молодая гвардия». Чистой души человек. Умерла потому, что теперь у нас жить можно только абрамовичам-жириновским-усмановым и прочим. У нее обнаружили опухоль. Предложили операцию. За 100 000 рублей. Где взять полудиной женщине с ребенком? Где?! У вас спрашивают, жуiriющие на русских могилах свтушкин-кабаковы и прочие самопровозглашенные «русские писатели»?

— Вам могут навесить «фашизм»...

— Пусть поднапрягутся и всей истории человечества его навесят, ибо в ней безотказно действует закон бу- меранга: как ты, так и тебе.

Сначала Зиновьев-Апфельбаум истерично вопил, угрожая русскому народу: «Мы прольем моря крови, и нет силы, которая бы остановила нас!» Но грянул тридцать седьмой. Потому что И.В. Сталин понимал: «Молиться можно перед боем, молиться можно после боя. Но молиться вместо боя — преступление».

И наш народ, как его ни огупляй, отлично знает, что почем на этом Хитровом рынке, что зовется «либеральными ценностями». Меня иногда спрашивают, не жалею ли, что написал «жизня» Г. Котовского, С. Лазо, Ф. Артема. Мол, не в цене нынче такие герои... Вранье! Русская история, русская литература стояла и стоит на почитании личности героической, самоотверженной, преданной интересам народа. И как ни выжигают рыночники из памяти народной совесть- ливый взгляд на текущие события — ан не получается!

1. Ваше самоощущение в современном обществе?

2. Вам как писателю в первую очередь хочется высказаться или — создать произведение искусства (хотя, вроде бы, важно и то, и другое)?

3. Свыше получает, читателю передает — таким было всегда представление о писателе. Насколько утратил сегодня писатель своё сакральное значение? Нет ли у вас ощущения, что современный литературный процесс уже не является своего рода общегражданским форумом? Какова перспектива у коммерческой литературы, доверившейся ощущению, что «Бог умер» даже не в религиозном, а в общефилософском значении этого нищенского образа современного мира?

4. У нас теперь появились «фабрики звезд», в том числе, в литературе, и, скажем так, талант перестал быть

главным компонентом на пути к славе. Мечтаете ли вы, противостоящий медийным фабрикам кустарь-одиночка, о славе? Или все-таки — «нас мало избранных»?

5. Каковы в аша самая горячая мысль и в аше самое тревожное обращение к современному читателю?

6. Мы живем в новом тысячелетии, после многих революций и связанных с ними катастроф, после двух коренных ломок общественного строя, причем вторая предполагает полный отказ уде не от религии, а от христианских норм жизни и смену нашего национального менталитета. Возможна ли в современной литературе связь с литературой прошлых эпох? Какие книги из прошлого, включая XX век, могут быть актуальны сегодня и почему?

7. Какого вопроса вы от нас не дождалась и что бы вы на этот вопрос ответили?

«Я благодарю Бога за всё, что Он посылает мне»

Владимир Шемшученко,
г. Санкт-Петербург



1. Второе тысячелетие от Рождества Христова завершилось самой чудовищной по своей сути Третьей мировой войной, породившей череду нынешних локальных войн, вымирание целых народов и народностей, откровенный геноцид русских и славян, создание глобальной финансовой пирамиды, превращение многих стран в колонии, появление такого мирового державы, который вбамбливает целые государства в каменный век и насаждает управляемый хаос. Тварь повсеместно взбунтовалась против Творца и творит свою волю, при этом очень многие, читая молитву «Отче наш», произносят: «Да будет воля Твоя...», а потом верой и правдой служат «демократии». В итоге — на войне как на войне. А для поэта времена всегда одни и те же, поскольку он создаёт реальность, а не реальность создаёт его. При этом как-то незаметно улетучиваются из нынешнего литературного обихода слово — талант, обозначающее: дар Божий. А моё самоощущение в современном обществе не имеет абсолютно никакого значения, потому что как православный христианин я благодарю Бога за всё, что он посылает мне.

2. Предельно глупо и самонадеянно тешить себя тем, что именно ты создаёшь произведения искусства, а тем более трубить об этом на весь белый свет. Даже можно представить, как вместо романа, повести или стихотворения писатель или поэт объявит, что написал произведение искусства, вот смеху-то будет. Сдётся мне, что замысел того или иного произведения, как и некая толика таланта, писателям и поэтам даётся для того, чтобы они не зарыли этот дар в землю, а преумножили и отдали людям, выполнив тем самым миссию, возложенную на них свыше. И горе тому, кто использует дар Божий во имя своё, соблазняя малых сих. А то одни будят

Герцена, другие зовут Русь к топору, третьи к штыку приравнивают перо, четвёртые просто предают страну и народ, а пятые в итоге строят библиотеки и имену кровавого палача Ельцина и призывают к демократии и толерантности. А уж куда вроде бы проше: «Всякое дыхание да славит Господа!». Вот и все высказывания.

3. Для того чтобы современный процесс стал общегражданским форумом, нужно, чтобы граждане как минимум знали, что есть те или иные произведения. Нехотелось бы здесь озвучивать букварную истину, что любой рынок приводит к монополии, но коль скоро монополия на формирование общественного мнения присвоена хазарами, то дупо бы было ожидать, что не «милорда дупого» будут пропагандировать хозьева литературного дискурса. Тексты на электронном носителе, тексты на бумажном носителе — гаже придумать нельзя. А настоящая книга, к сожалению, стала для многих недоступной. Да, может быть, в этом есть высокий смысл, поскольку у подавляющей своём большинстве наша патристическая словесность представляет собой тотальный плач и рыдания о погибели страны и народа. Этаким, знаете, сегодняшним коллективным Кот Баюн, убивающий надежду на Воскресение. К примеру, обласанный всеми поэт Николай Зиновьев пишет: «А человек сказал — я русский. // И Бог заплакал вместе с ним». Ну, уж если сам Бог заплакал от того, что встретил «покрытого пылью брэнной» сидящего и плачущего русского человека на пути, дела наши нынешние совсем плохи. Это же А. В. Суворов мог сказать: «Мы — русские! Какое счастье!» Неплохо бы и нам вспомнить, наконец, что Россия — дом Пресвятой Богородицы, а не место нашего временного слезливого проживания. Что касается коммерческой литературы, доверившейся общефилософскому ощущению «Бог умер», то лучше всего ответить им словами капитана Лебядкина из «Бесов» Ф. М. Достоевского: «Если Бога нет, то какой же я капитан!». А то придётся распевать, как Жанна Бичевская: «И, если упадут на нас поганые! // Мы в бой пойдем с крестами на груди». Какие ещё поганые должны на нас напасть, если у нас и так демократия, суть власть сатаны, которой подавляющее большинство нашей так называемой элиты служит верой и правдой.

4. Оставим фигурантов «фабрики звезд» в том числе литературных тленю как не заслуживающих разговора.

При этом категорически возражаю против почётного звания кустарь-одиночка. Смею надеяться, что я всё-таки какой-никакой поэт, а ещё и раб Божий, поэтому воспринимаю свою деятельность как служение России под знаменем «За Веру, Царя и Отечество». А все мы сочтёмся посмертно славою.

5. Тем, для кого жизнь на земле конечна, мне сказать нечего. А тех, для кого жизнь на земле не конечна, и без меня всё знают.

6. Я думаю, что желающих изменить наш национальный менталитет всегда было много. Но будет ещё больше потому, что жить на Земле человеку становится всё трудней и трудней. И всегда найдётся кто-то, кто скажет, что мы на отчей земле живём не по праву. А поскольку подавляющее число наших граждан позиционируют себя как православных христиан, то никогда нам покоя не будет. И не надо обольщаться на счёт наших европейских и заокеанских друзей: мы им нужны только мёртвыми. У русских неприспособляемый менталитет, поэтому и стараются нас любыми путями заселить и развалить кем угодно, одновременно препятствуя возвращению в Россию умилленно брошенных русских, украинцев и белорусов в бывших союзных республиках СССР. Все-то навсего этих изгоев поневоле чуть меньше 20 миллионов. А, впрочем, у человека всегда есть право выбора между первородством и чечевичной похлёбкой. Каждому предложат тридцать монет. Предложат, а ты не бери. А любой взявший наговорит в своё оправдание столько должным литературным образом оформленных слов, что и сам поверит в то, что не было никакой возможности не взять отступного. При этом, естественно, он будет думать, как Родион Раскольников, что творит добро ради своих родных и близких. А умирать-то всё равно придётся. Многие уже умерли. Актуальной книгой на все времена является Библия. Очень полезно сейчас перечитать Евангелие от Иоанна. Много чего увидишь и поймёшь, если захочешь. Что же касается связи современной литературы с литературой прошлых эпох, то, безусловно, стоит принять на веру, что традиции принадлежат вечность, а вся новомодная пена имеет место быть как временное, наносное и разрушительное явление, которое в безумии своём бросает вызов Богу. Но это уже вопрос не литературы, а веры.

Хотелось бы, чтобы на страницах

«РП» поднимались вопросы писательской жизни, причём не дежурные бухгалтерские отчёты руководителей о проделанной работе, а насущные вопросы писательского бытия. Хотелось бы, чтобы состоялось обсуждение причин раскола в писательских организациях, нужно говорить о групповщине, которая зачастую приводит к выдавливанию из писательских организаций талантливых писателей. Хотелось бы поговорить о вождизме и зависти.

7. Вопросы могли бы звучать так: Вы завидуете кому-либо из писателей? Что такое писательская зависть?

Смею утверждать, что зависть — не что иное, как сам падший ангел, низвергнутый Богом с небес — человекоубийца по природе своей. Вселившись в обезбоженного человека он занимает присущим ему занятием — убивает человеческую душу, а потом и его тело, заставляя его творить зло под видом добра, творя свою волю. И кровь Авеля, пролитая Каином, тут же проступает, несмотря на то, что от века человечество посылает эту вопиющую кровь песочком гуманизма. Если напрочь память, то любой сможет привести массу бытовых и не только примеров так называемой зависти и предложить в качестве спасения некую воображаемую картину мира, призывая при этом на помощь государство, которое в идеале могло бы хотя бы не поддерживать завистников и разрушителей. При этом нужно обязательно этого самого разрушителя выявить и объяснить ему, что он никто иной, как разрушитель. На что он, безусловно, с благородным возмущением ответит, что никакой он не разрушитель, а самый что ни на есть создатель, благодетель и поборник истины. Не хотелось бы высказываться и по поводу государства, поскольку великие умы человечества по этому поводу много чего уже сказали, причём придерживаясь диаметрально противоположных мнений. Я причисляю себя к литературному цеху, поскольку в дипломе об окончании Литературного института им. А. М. Горького в графе специальности у меня написано: литературная работа, которой я занимаюсь так или иначе в течение четверти века, поэтому, как мне кажется, имею право высказать некие суждения по поводу зависти писательской. Хрестоматийной, на мой взгляд, является стихотворение до сих пор травля писателя М. Шолохова и его романа «Тихий Дон». Пока роман существует, всякому романисту, претендующему на мировую славу, приходится с этим считаться. А можно ведь и по-другому поступить. Можно воспользоваться любимым оружием дьявола — клеветой, воплощенной в слове, и убить автора, а, если повезёт, вместе с ним и его произведение. Нет человека — нет проблемы. И вот, находясь на вершине своей зарубежной славы, ныне покойный, А. Солженицын в 1975 году объявляет М. Шолохова малограмотным прислужником властей и утверждает, что «Тихий Дон» написал не кто иной, как донской писатель Фёдор Крюков. Он, и никто другой. Точка. И ведь не какая-то там «москья» пропущала, а сказал сам — властитель дум и сердец — А. Солженицын! Как тут не поверить. А когда нашли рукопись первых частей «Тихого Дона» обратились к А. Солженицыну, как, мол, то оценить? Он ответил, что более этим вопросом он не интересуется...

Николай Фёдорович КОРСУНОВ



С прискорбием узнали о кончине старейшего русского писателя Николая Фёдоровича Корсунова.

Автор известных романов, ярко повествующих о жизни земляков, людей труда, совестливых, несущих нелёгкую жизнь по правде, по нравственным народным традициям. Он был замечен и узнаваем в течение последних десятилетий нашей отечественной литературы. Много лет своей жизни он отдал руководству Оренбургской

писательской организацией.

Жизнь и творчество Николая Фёдоровича счастливо Пересеклись дружбой с великим Шолоховым, их соединяло многое, и страницы книг корсуновских озарены Шолоховским светом.

Утрага Корсунова — тяжёлая для всех нас. Мы просим донести нашу печаль до родных и близких почившего писателя.

ПРАВЛЕНИЕ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Объявление

20 февраля
в Малом зале ЦДЛ
состоится юбилейный
творческий вечер
Лидии ДУМЦЕВОЙ.
Начало в 18.00 ч.

Адрес: Б. Никитская ул., 53.
Проезд: м. Баррикадная, Краснопресненская.

Эдуард Анашкин, Самарская обл.

Книга стихов известного российского поэта Евгения Семичева, «Великий верх», изданная в серии «Народная библиотека Самарской губернии», для поэта — седьмая по счету. Но с другой стороны «Великий верх» — первая в творческой биографии Семичева «государственная» книга, изданная при содействии областного бюджета. А значит, книга дойдет до читателей-земляков через самарские библиотеки, куда, последние годы книги наших самарских писателей поступали лишь по случаю. В условиях отсутствия областных книгоиздательских программ самарские писатели издавались преимущественно за счет внебюджетных спонсорских средств. Тиражи изданных таким образом книг редко доходили до библиотек и, следовательно, до читателей Самарского региона. А потому, если в российских и московских литературных кругах поэта Евгения Семичева представлять особо не надо. То на своей родине, в Самарской губернии, наш всероссийский, известный по многим публикациям в федеральных, и региональных изданиях поэт-земляк нуждается в представлении. Что я и попытаюсь сделать не только на правах коллеги-земляка, давнего читателя-почитателя семичевского творчества, но и потому, что в моем архиве собран богатый библиографический материал по творчеству Евгения Семичева.

Я знаю стихи Евгения Николаевича, еще с 70-ых годов прошлого века — по публикации в куйбышевском, коллективном областном сборнике «День поэзии» (аналог всероссийского издания, издававшегося раньше в Куйбышевской области). В то же время в куйбышевской областной молодежной, газете я прочитал удивившие меня необычной для того времени образностью семичевские стихи, чем-то напоминавшие стихи Есенина:

*Август — конь в яблоках,
Конь синегривый
В землю копытами
Звонкими бьет.
Жёлтое око
вращает ириво,
Синюю воду
из озера пьет...*

Должно быть, Семичев не считал это стихотворение состоявшимся по большому счету, потому что не включил его позднее ни в один свой сборник. А я считаю, что совершенно зря!.. Эти стихи молодого Семичева говорят о его богатейшем творческом потенциале. Впрочем, Евгения Николаевича я как-то и не помню молодым поэтом. Ярко заявив о себе несколькими публикациями в юности, он вдруг исчезает из Куйбышева, чтобы объявиться спустя многие годы, в смутное рыночное время, когда поэзия уже не сулила ничего, кроме крепкого стоического пути и нищенского существования. Это уже было не то сытое для литературного процесса, Куйбышевской-Самарской области время, когда писателей щедро оделяли квартирами, дачами, гонорарными изданиями, материальной поддержкой, дефицитными талонами на автомобили... Понятное дело — что всё это было не просто так, а, в обмен на идеологическую лояльность, которую писатели в Куйбышеве старались проявлять по отношению к власти. Как-то в «дружеской беседе Семичев-расказал, что ему, начинающему поэту, один маститый куйбышевский писатель полуслушливо сказал: «Женя, тебе две путевки в Сибирь за твои писания полагаются. Почему две? Потому что одной — мало!..»

В те времена в такой шутке была лишь доля шутки. Несмотря на то, что на дворе царил покойная «застойная» эпоха, никто из куйбышевских писателей не забыл про «идеологические» заточения-гонения литературоведов Машбиц-Верова и молодого прозаика Лаврентьева. Всем также была известна трагическая судьба молодого нашего поэта-земляка, современника Есенина и Багрицкого, Виктора Багрова, который жизнью оплатил за стихи, кое-кому показавшиеся крамольными. Конечно, время СЛО-

Нов и ГУЛАГов осталось позади, но среди редакторов издательств и журналов было немало таких, кто читал рукописи под идеологическим «микроскопом». А в свете идеологии стихи молодого Семичева выглядели не всегда, безобидно. Хотя сам поэт, по его признанию, считал себя обычным законопослушным советским человеком, и никоим образом не помышлял ни о каком, «диссидентстве»:

*Да простят меня лекари,
Если в окна больницы
С воспалёнными веками
Умирают зарницы.
...Ходят тихие, робкие —
Все стережат к стержню!
Им рубашки в полосочку,
Как нехстати, к лицу..*

Обладал молодой Семичев талантом попадать «пальцем в небо», далее не желая этого. Кто ж теперь не знает, что в «психушках» советского времени содержались не только сумасшедшие? Конечно, молодого Семи-

стали членами Союза писателей СССР, уже по которому «кругу» были обременены семьями и квартирами в лучших районах областного центра, имели по несколько изданных гонорарных книг... Семичев явился, как полагают истинному поэту, к шапочно-необходимому поэту, к шапочно-перестройка, плавно переходящая в смутное время. Писатели вдруг стали никому не нужны, слово русское было в загоне. И вот тогда парадоксальный Семичев вдруг решил сделать то, чего не сделал в куда более выгодное для себя время — решил связать свою судьбу с литературой. Со стороны в то время такой, выбор не мог не показаться самоубийственным. Потому как это было то время, когда многие профессиональные и известные поэты дистанцировались от стремительно нишающей литературы и подавались в коммерцию и бизнес. Талант Семичева, как и талант Есенина, сгодился России в самое тяж-

ратия» далеко не всегда стыкуется с «властной вертикалью». А без этой самой «вертикали» Россия начинает скукоживаться по «горизонтали», теряя граждан и территории.

Седьмая книга поэта называется «Великий верх» — образное название, обозначающее точку наивысшего полета. Основу основ книги, на мой взгляд, составляет новая поэма Евгения Николаевича «Красный крест». Многослойная, многозначная и порой неоднозначная вещь, где поэт с небесной высоты осмысливает суть земной власти. Сюжет прост: любимый царский сокольник Патрикеев утерял любимого царского сокола Свертея. Бледнее от ярости, грозный государь велит Патрикееву либо вернуть сокола, либо, как водится, «голову долой». Обливаясь горючими слезами (жаль не себя, любимого, жаль сиротить детей!), едет Патрикеев в чистое поле куда глаза глядят. В пути его сморил сон. И сокольничему

Вышибая потроха.

*Как подкову гнут стальную,
Гнул небесные верха...*

Евгения Семичева. Неслучайно называют поэтом смутного времени. Семичевские стихи обладают столь ярким светом, что помогают не только рассеять ступивший над Отчиной мрак, не только выжить физически, но и сохранить в себе человека. Не озвереть, не потерять жалости и сострадания к ближнему, любви к родной природе, умения мечтать и верить... Но и не стать пассивным созерцателем разорения Отечества. В отличие от многих поэтов, которые предпочитают плакать над судьбой России, Евгений Семичев видит залог возрождения России в осознании гордости за свою страну, в уважении к трагической и великой русской истории, какой нам Бог ее попустил... «Я русский! Какой восторг!» — говорил непобедимый полководец Суворов. Так лее и по прочтении стихов Семичева хочется воскликнуть: «Слава тебе Господи, что сподобил меня родиться русским!». Получая житейскую мглу, поэзия Семичева волшебным образом, преломляет эту мглу в свет, без которого немислима жизнь. Поэтому не только литераторы, но люди, очень далекие от литературы, однажды познакомившись с семичевскими стихами, уже не расстанутся с ними никогда. Это свидетельствует о том, что поэзия Евгения Семичева — не просто явление литературы (пусть даже и очень талантливое!). Но о том, что семичевские стихи — это явление глубинного русского национального духа, дающего людям эмоциональный «кислород» для дальнейшего сопротивления небытию и накопления сил для грядущих наших русских побед. Богатырский неистребимый русский дух — вот что такое поэзия Семичева.

Некоторое время назад в Самаре был объявлен конкурс на создание гимна Самарской области. В нем приняли участие многие поэты нашего региона. Евгений Семичев принципиально не стал примериваться к лаврам «гимнописца», хотя я неоднократно и настоятельно советовал ему представить на конкурс свои стихи. Но когда я прочел в газете «День литературы», а потом в «Литературной газете» стихотворение Семичева «Богатырская песня», то сказал себе: «Да вот же он — наш Самарский гимн!». В этом стихотворении не только эпический стихмах, но — такая любовь к своему краю и такая гордость за его силу и красоту, что это стихотворение звучит, как песня, и без музыкального сопровождения. И это при всем том, что Евгений Семичев ничуть не желает потратить своим землякам, представляя их паньками. Не приукрашивает историю «самарского народа», где в этническом бунтарском жигулевско-самарском «тигле» из бунтарей, упырей, купцов, ярыг выковался в конечном итоге тот победоносный народ-богатырь, чей созидательный пыл устремлен в небо. Я с удовольствием процитирую это стихотворение полностью, ибо слов из этой песни не выкинешь:

*Под соколым крылом Жижулей
Воссиял во всю удаля и ширь
Молодецкою статью своей
Мой самарский народ-богатырь.
По плечу тебе звездный зенит.
В ноги волжская плещет заря.
По-над степью, как солнце, горит
Золотая душа волгара.
Ты возделал небесный простор
И земной обустроил пустырь,
Как степной великан-Святогор,
Мой самарский народ-богатырь.
Ты своею могучей пятой
Путь-дорожку врагам заступил.
И сияет твой век золотой,
Словно храм, до небесных ступеней.
И молитвенно Волга-река
Твой вселенский читает псалтырь,
Где Создатель вписал на века:
«Мой самарский народ-богатырь!»
Здесь святитель Алексий-пророк,
На валу водружая просвирь,
За два века до срока предрек
Мой самарский народ-богатырь.
И ярыга, и беглый бунтарь,
И купец-целовальник-упырь,
Аки всякая Божия тварь
Мой самарский народ-богатырь.
Ты стоишь у сокольных широт,
Упираясь в небесную ярь,
Мой быллинный самарский народ —
Мой родимый отец-государь.*

Богатырские песни Евгения Семичева

чева заботила отнюдь не социальная, а художественная правда. Но истинная художественность с неизбежностью приводит к социальным прочтениям текстов. Это закон русской литературы. Стихотворения про «психов в полосочку» тоже, к сожалению, нет ни в одном, семичевском, издании.

Я думаю теперь: хорошо, что Семичев в силу самых разных обстоятельств не стал «советским» поэтом. Потому что его стихи, далее те, которые он не числит по разряду оппозиционных, как в вышеописанном случае, настолько не поддаются идеологической цензурной «ретуши», что вряд ли бы дошли до читателя в первоизданном, виде. А на увечные, в результате идеологической редактуре, стихи тем, больше смотреть, чем талантливее изначально они были!

Семичев был советским человеком, но советским поэтом ему было стать не суждено. Видимо, судьба уготовила Семичеву другую, более тяжкую, но по его силам и возможностям, крестную ношу русского поэта смутного времени. В моем, архиве я бережно храню немало ранних стихов Семичева из его ранних газетных еще куйбышевских публикаций — стихов, которые не вошли ни в один его сборник. Тешу себя надеждой дожить до того времени, когда встанет вопрос об издании полного собрания сочинений Евгения Семичева. Потому что самому поэту часто «не дано предугадать», как отзовется его слово. Не считая свои ранние стихи достойными включения, в книги, Семичев тем самым лишает читателя возможности увидеть эволюционный путь развития его творчества. А это очень, скажу я вам, интересный и поучительный путь. Но речь сейчас не о нём, а о любви поэта... к моей родной Сибири.

Вы спросите, при чём тут Сибирь? Где та Сибирь и где наша Волга? А дело в том, что слова насчет «двух бесплатных путёвок в Сибирь» оказались-таки пророческими в том смысле, что Сибири Семичев не миновал. Попал он туда, правда, не по «бесплатной путёвке», а по доброй воле своей. И прожил в Сибири и на Дальнем Востоке несколько насыщенных лет, которые нашли отражение в его стихах про Карагочи, Магочи, Кувькты... И не только! После возвращения из сибирских странствий стихи Евгения Семичева, и без того ярко самобытные, разительно изменились, обрета я русскую могучую медвежью сибирскую мощь и имперский пафос, которая была привнесена Семичевым в волжскую школу поэзии.

В пору нашего личного знакомства с Семичевым он, по странствував по, Сибири и России, жил в Новокуйбышевске. Его ровесники, поэты-земляки, с которыми он некогда начал вхождение в литературу, давно

кое её время — время великой смуты:

*А люди, как в смутное время,
Вхорошего верят царя.
Он вступит в вензелях стремя,
Народную волю творя.
Плащом небеса занавесит,
Шитом остановит раскол.
Продажных и живых повесит,
А подлых посадит на кол.
От хворы, напасты и порчи
Избавится русский народ,
Когда ему царские очи
Сверкнут окремлёвских ворот.
И праведный мир воцарится
На отчей земле на века.
И вдовстал родная земляца
Накормит тогда мужика.
А если лихие бояре
Народ не желают любить?
На то и даны государи,
Чтоб головы песьи рубить!*

Эти стихи Евгений Николаевич как-то прочёл мне в личной беседе, посулив посвятить их мне. А потом, видимо, передумал, за что я, впрочем, не в обиде... На Семичева вообще долго сердиться невозможно, хотя были моменты, когда я обижался на некоторые его «выкрутасы». В начале 90-х годов удалось мне с трудом достать в нашем, дышащем, на ладан, книжном магазине в райцентре Пестровка первую книгу стихов Семичева «Заповедный кордон». Обработанный, я выслал эту книгу автору с просьбой написать её мне и прислать обратно. Ни ответа, ни привета! Потом, # встретаясь с Семичевым в Самаре, я ему попенял на необязательность. Он не стал оправдываться, как сделал бы в его ситуации любой другой, и откровенно заявил: «А ты и не жди, Эдуард, не верну я тебе эту книгу: у меня у самого её нет, даже нескольких авторских экземпляров мне не дали...». Как выяснилось позднее, какая-то накладда с типографией вышла, потом дело уладилось. Ну тут уж я, к тому времени доставший ещё несколько экземпляров «Заповедного кордона», укоризненно протянул их Семичеву. Одну книгу велел написать тут же, в моём присутствии, и вернуть мне. Берегу до сих пор эту невзрачную на вид книжечку — столько в ней добра, света, чистоты, надежды.

Пишу эти строки в то время, когда, Россия стоит, накануне выбора нового президента. Написанное почти два десятка лет. назад стихотворение Евгения Семичева о смутном времени и до сего дня не потеряло своей актуальности для будущего России. И, судя по всему, не потеряет никогда. Я бы даже сказал, что сегодняшнее семичевское стихотворение про смутное время ещё более актуализировалось — теперь нагие обществом накопец-то «дозрело» до осознания того, что власть в России должна быть сильной. А выходящая из берегов «демок-

привиделся Святой Трифон, покровитель сокольников. Святой Трифон велит Патрикееву оставить уныние и идти нести службу царю. Открывает место, где сокольник найдет утерянного сокола. И предсказывает, что па склоне лет Патрикеев, выходец из «хитрого» боярского рода, отринув мирское, станет звонарем в храме, который построит на свои деньги. Этот храм и сегодня стоит в Москве, в Напрудной слободе... Поэма пронизана мощной образностью — один образ плавно трансформируется в другой, на более высоком, уровне. Таким образом Семичев выстраивает вертикаль полета за счет вертикали художественности. Драгоценные, по-сибирски щедрые и неистощимые, но при этом гармонично выверенные россыпи ярких образов. Всех и не перечтешь. Образ православных «шестокрылых» крестов. Образ колокольного звона, ясным соколом взмывающего с высокой колокольни. Образ Грозного русского сокола-государя, восседающего перед тем, как своей высокой думой воспарить в небо Святой Руси:

*На резной скамье высокой Царский бархат-киноварь.
Восседает Божий сокол — Грозный русский государь.
Соколиными очами Свысока глядит на всех. В гордом царственном молчанье Правит свой Великий верх.
На призывный глас небесный Государь настрол слух.*

*И царит над Божьей бездной
Нерушимый Русский дух.
Он царит в миру высокоом
Неведим, непобедим —
Русский дух — Господний сокол —
Шестикрылый серафим!*

Образ души замученного палачом, по приказу Ивана Грозного боярина-ослушника — это образ воспарившей соколом, души, с которой посмертно снят «глухой клубок»... Сколько раз перечитываешь поэму- столько новых образов находишь, ранее не замечаемых под очарованием других. Поэма очень живописна за счет художественно осмысленных примет старинного быта. Но самое главное, что остается после прочтения поэмы — это подзабытое нами последнее время ощущение вольного гордого русского полета, издавна ассоциируемого нашим народом с соколом.. Да, на гербе нашего государства красуется двуглавый орел. Но народом более любим. сокол. Наверное, потому что, в отличие от орла, который может питаться и падалью, сокол питается только живой кровью, которую сам лее и добывает. Жестокая правда жизни, впрочем, не может свести на нет красоту воинского духа и доблести.

*...Брал и кориуна, и лун.
С выража не абы как!
Заполюный, словно клуныя,
Падал в обморок коршак.
Бил в намете чернь враную,*

«Сказ о Байкале» - очередная книга известного государственного и общественного деятеля, члена Союза писателей России, поэта Владимира Исайчева. Это творческий отчет о необычной экспедиции, организованной Всероссийским общественным движением «Возвращение к истокам», результатом которой стал беспрецедентный перелет на воздушном шаре «Святая Русь» через аномальную зону озера Байкал.

Книга автора, являющегося непосредственным участником перелета, иллюстрированная фотографиями, наполненная личными переживаниями и драматизмом событий, будет интересна широкому кругу читателей.

Одну из глав книги мы предлагаем вниманию читателей «РП».

Сказ о Байкале

Владимир Исайчев



Что богата удалью и силой,
Что богата лесом и рудою...
Что же её гложет разоренье?
Где святой источник всей России,
Что её живой водой напоит
И поднимет из беды, из горя?
— Ты Байкал, — ответствовали птицы.
— Батюшка Байкал, — дышали ветры, —
Со живой водой святая чаша!

От малых родников России
И до великой этой чаши —
Везде источники святые,
Вокруг них — люди, птицы, звери,
Селенья, города, посёлки,
Они дают нам жизнь и силу,
Своею чистой прозрачной
Искореня гнусь и немощь —
И омывая вновь нас, грешных,
Освобождают от унынья,
От всяких помыслов нечистых,
От мыслей и от дел дурных.
Вот почему от века люди
Свои источники хранили,
Их берегли и очищали
И в их ясных водах свои мысли,
Тела горячие... Дела,
Едва задуманные или
Вдруг потерявшие теченье —
Всё оживлялось той водой...

Во селе Сартакове то было:
Двое богородских мужиков
От земли своей нижегородской
Дел от дел обычных, повседневных,
Дел докучных, суетных, земных
Порешили на воздушном шаре
Оторваться — и поплыть по небу
К батюшке Байкалу на поклон.

А один из них — герой Ефремов,
Он весной на Северный на полюс
На воздушном шаре долетел,
Чтоб оставить там
российский вымпел,
Чтобы полюс помнил о России
И её любовь не забывал...

Во селе Сартакове то было:
Шар воздушный в поле разложили,
С помощью горелок надували
Голубыми нашими ветрами
С запахом полыни, клеверов,
С песнями кузнечиков и пташек
И с глубокою затейной мыслью:
«Господи Ты, Боже, помоги!»

Так, пройдя на поле испытанья,
Шар был сложен, погружен в машину
И поехал с миром на Байкал,
Чтобы там подняться в поднебесье
И Россию на весь свет прославить,
И наказ всем дать: беречь её.

А в дорогу набрана водица —
Черп! — из Князь-Владимира ключа
(Холодна, аж будто горяча!)
Для родного батюшки Байкала.
Настоятель храма, сед и степен,
Внутрь-дорогу нас благословляет,
С миром нас в дорогу отпускает
И напутствует: «Бог в помощь вам!»

Всё же нелегка была дорога,
А сказать точнее — бездорожье.
Претерпели мы преград немало:
Перепады, перевалы, бури...
Прогневил, видно, мать-природу,
Впали мы у матушки в немилость,
Но с мечтой своею не растались,
До Иркутска-города добрались,
Начали готовиться к полёту,
Подогнали все свои дела.

Но опять преграда перед нами:
Нету газа в горюде большом.
И тогда помчались мы к Ангарску,
Чтобы заправить там свои баллоны:
Попутру должны мы к месту старта,
Часа не помедлив, улетать.

Тут как тут ещё одна помеха:
«Нет», — нам говорит Аэрослужба —
И не разрешает нам подъём...
Ночь-полночь — идут согласованья,
И пришлось нам подключить столицу:

Вдалеке от батюшки-Байкала,
Где Ока вот-вот сольётся с Волгой,
Думы завивались облаками,
Понимались высоко-высоко,
Чтоб окинуть взглядом всю Россию,
Чтоб взлететь над Русью

вещей птицей,
Чтоб её, Россиюшку, увидеть
Во её немислимых просторах,
Во её беспах широких полях,
Нежнолиственных и дивно светлых
Или же таёжных, нелюдимых,
Во её полях ржаных, пшеничных,
И гречишных, и овсяных тоже,
Во её озёрах светлых, реках,
Обнимающих поля и дали,
Во её морях неохватимых,
Глубиной таинственной богатых,
Во её бесчисленных дорогах,
Что несут людей к горам, к равнинам,
К городам, посёлкам и деревням,
Ко церквям, монастырям великим,
Ко погостам, ко крестам родимым,
Ко родительским домам пригожим,
К очагам, где берегут любимых
И где детушек растят в приволье,
Чтоб и детушки потом трудились
На великих радостных просторах...

Дума завивались облаками,
Во селе Сартакове то было,
В Богородской волости старинной,
Во Нижегородских славных землях.

Всякий возвращается к истокам,
Всякий любит родину и дом свой,
Всякий хочет сохранить святое —
И поля, и реки, и былинны
О великих подвигах Отчизны,
Песни-птицы, что взрастили душу,
Родники, которые всплоили,
Матушку, которая вскормила,
И отца, что дал начало жизни,
Награды своей повадкой, статью,
Мудростью, и совестью, и честью...

Во селе Сартакове то было:
Дом позвал родительский вернуться,
Сын приехал, видит, что деревня
Чахнет, увядает — нет тут жизни,
Как и в роднике едва текущем,
Что когда-то слыл на всю округу
Чистым и целебным... Как увидел,
Так поднял народ — и стали чистить,
Стали строить — выстроили миром!
И теперь струёю чистой бьётся
Всем на радость и на исцеленье
Князь-Владимирский источник! Любо
Поглядеть, какой же он хрустальный,
Как светла и ласкова водица,
Как к часовенке, что ключ укрывала,
День и ночь стекаются селяне,
Как пошла деревня оживать,
Как свой храм на всхолмье возвели,
Как старинные запели песни,
Пруд почистили... Преобразилась,
Ожила деревня, как источник,
Что водой целебно питает
Превозмогший разоренье люд!..

Во селе Сартакове то было,
Думы завивались облаками,
И летели, будто птицы, думы
Над широкой Русью, над землёю,

И лишь только с солнечным рассветом
Удалось нам прикорнуть немного —
На часок-другой, а там уж дело,
Там держись и только успевай!

Но напрасно мы спешили к старту:
Вновь преграда на пути стояла —
Сплошь туман над озером клубился,
Сквозь него нам было не пройти...

Только в полдень мы смогли подняться:
Вертолёт понёс нас вдаль, к Байкалу.
А внизу — внизу тайга синее
Поворачиваются плавно горы,
Ты распядки, то ущелий устья
Проплывают медленно под нами...
Наконец завидели Арал.

Это нас ждёт катер у причала,
И на нём приехала команда,
Чтобы подготовить наш полёт.

Высадились. Обнялись. И дружно
Мисом оболочку разложили,
Чтоб проверить все крепления строп
И надуть наш шар —
но тут нам сводка:
«Стоп! Ветра на север повернули!»
Нам же нужен ветер на восток.

Ждём-пождём...
Пришлось разбить нам лагерь...
Поднялись назавтра до рассвета —
Глядь, поду нам нужный ветер!..
Только
Не дают опять нам разрешения:
«Стоп! Над озером шумят ветра».

Проверяем сводку: посылаем
В небеса шар-зонд. Ушёл он свечкой,
Скрылся в облаках — и вдруг мы видим:
Он плывёт туда, где ждёт Байкал!

Вот и закипела тут работа:
Собираем шар мы на подъём!

Шар могучий вырвался из плена,
И понёс двоих друзей к Байкалу
Он в корзине, как младенец в люльке.
А на дне корзины — продапас,
Лодка и надёжная палатка.
До свиданья, матушка земля!..

Во селе Сартакове то было,
Думы завивались облаками,
А глаза растерянно искали
Красоту суровую Ольхона,
И утёсов грозные уступы,
И ночные ледяные волны,
Будто сотрясающие землю...
Чудились и брезжились мне брызги,
В грудь сарма мне ударила буйно —
А очнусь — стою я среди поля,
Или на венеце стою над рекой,
Или на завалинке сажу...

И вот — впервые над Байкалом
Поднялся шар воздушный. Виден
Неповторимый мыс Арал.
Кричим мы дружно, что есть силы:

«Прощай, Зама! Тебе спасибо,
Что отпустила в это небо!»
Сарма! Нам помоги в пути!..»

А Бог ветров решил проверить,
Кто эти дерзкие, что взмыли
И над Байкалом полетели:
Действительно ли смельчаки
Или пустая похвальба
Капризам их напрасным вторит?
И напустил ветров вдогонку,
И зашумели, засновали,
И завертели гневным кругом
Наш шар гривастые ветра!

Нас понесло сначала к солнцу,
Воруж, словно в пропасть, нас швырнуло
Почти к воде — и закачало,
И нашу бедную корзину,
Разбить грозя, со всех сторон
Потоки воздуха долбили
И мучили наш бедный шар.

К Ухеру-богу обращаясь,
Не утешаясь, ему молились:
Мы попросили не гневиться,
Послать на помощь нам сарму.

Вином его мы угостили,
Сартаковской святой водицей,
И об одном его молили:
Унять строптивые ветра.

И бог Ухер к мольбам склонился:
Повёл могучею рукою —
Распорядился баргузину
Сарму-сестру позвать сюда.

Но прежде чем сарму позвать к нам,
Так взвился баргузин внезапный,
Что шар отбросил прямо к югу,

И мысль злоеющая мелькнула:
«Как быть? Ведь нам не в пору ю!»
Запасов газа маловато —
До цели нам не дотянуть...»

Но в этот миг могучий ветер,
Взрыв напоследок, оборвался.
И шар с корзиной, будто в сказке,
В тиши безоблачной завис.

И тут открылись перед нами
Неведомой красоты картины:
Вот облака, как будто птицы,
Внизу над озером плывут,
А озеро, сливаясь с небом,
Влечёт наш взор в седую даль.
Ольхон под нами, будто беркут,
Раскинул мощные крыла,
И кажется: лишь только духи,
Людей здесь видеть не желая,
Живут на острове пустом,
Довлевуясь уединеньем
И злою славою кичась...

Я вверх и вниз смотрю с восторгом —
Величественность и покой.
Гармоний зримое созвучье,
Наверно, один Леонов
Из космоса мог наблюдать.

Так километр за километром
Над гладью синей проплываем
И одолев небес пространство
На помощь все ветра зовём.

Слетелись ветры, зов услышав,
И повлекли наш шар с собою —
Нас понесло к посёлку Турка,
Пересекая вишрь Байкал!

Над глубиной вод священных
Сарма несёт, несёт упруго.
И за полётом двух пилотов
Следит огромная страна.

Да, три часа, как мы в полёте.
Вон кромка берега неясно
И зыбко, бледно прояснилась —
Навстречу мчитесь змейкой тонкой
Родная верная земля!

С пилотом празднуя победу —
«Пересекли Байкал, сумели!» —
Как дети, радуясь успеху,
Наш шар готовим на посадку:

Прикрыли было мы горелки,
Нацелившись на берег сесть,
Но ветер вдруг нас поднял кверху,
Понёс стремительно к тайге.

Забыв мгновенно о победе,
Мы поднимаем шар наш снова —
Другое место для посадки
С пилотом принялись искать...

Грядя хребтов плывёт под нами
И океан тайги безбрежной...
И тут мы поняли: площадку
В тайге немисливо найти!

Вдруг перед нами, словно в сказке,
Маячит — вот она! — поляна.
И сердце радостно от счастья
Забилось в трепетной груди.

Но поворачивает ветер
Нас вместе с нашей корзиной —
И шар наш чуткий за собою
Потоком быстрым потянул.

Мы посмотрели друг на друга —
Надежду снова унесло,
И та заветная поляна
Осталась где-то позади...

И ничего не оставалось,
Как взоры вновь к реке направить
И лишь красною наслаждаться
Небес, просторов и хребтов...

Но синий цвет тайги безбрежной
Заворожил нас и утешил:
«Смотри, вон речка перед нами!» —
Кричит мне радостно пилот.

Вдоль речки — пойма золотая.
Здесь для посадки — рай: просторно!
«Гаси горелки побыстрее —
И клапан шара открывай!»

Горелки загасили быстро
И клапан было приоткрыли...
И в друг шар дёрнуло, швырнуло —
Успел за пойму он уйти!

В тайгу садиться не хотелось,
Пришлось лететь. Мы убедились:
Тайга пред нами растилась,
Наскоро всюду глаз хватало,
Но красотою наслаждаться
Желанья что-то не возникло:

Мы шесть часов уже в полёте,
В час поднялись, теперь — восьмой.

А связь потеряна с землёю,
И вертолёт отстал в полёте.
Летим-летим мы в неизвестность,
Не зная, что ещё нас ждёт...

И вот вдали за дымкой светлой
Мы сопку видим. Что за сопка!
Облюбовали — и тихонько
Беседу робкую заводим:

Коль провезёт — садиться будем,
Другого нет у нас исхода.
А коль за сопку перескочим —
Не отыскать в тайге нас будет:
И газ кончается в баллонах,
И впереди тайга темнеет,
И солнце близится к закату —
Кому найти и нас до утра?

На сопку снова поглядели:
Кругом кедрач высокий, мощный.
Ну что за место для посадки?
Но нам теперь не выбирать...

На дно корзины примостились,
Готовимся принять удары —
Наш экипаж такой посадки,
Скажу, никак не ожидал!

Корзина грянулась на камни —
И поволок её по склону,
Остервенев, воздушный шар!
Взлетели в воздух все баллоны,
Металл по камню скрежетал,
Летели вещи из корзины:
Палатка, лодка и продукты.
Ломались прутья и крепления —
Вот-вот развалится каркас...
Трещали сучья на деревьях,
Попридавили нас баллоны.
И затаили мы тревогу:
Лишь только б не взорвался газ!

А шар, как конь, несёт по кочкам,
По валунам, корням, корягам!
И нас в корзине, двух пилотов,
Швыряет по углам и крутит,
Кидает так, что только искры
Из глаз... И, к небесам взывая,
Мы просим: «Господи, помилуй
И погаси безумный шар!»

И тут, как будто чьей-то воле
Подвластен, кедр поймал корзину
И шар, рванувшийся на волю,
В ветвях могучих удержал!..

И тишина вдруг наступила.
Нам показалось, что оглодили.
Мы огляделись — и вздохнули:
Земли твердь под ногами,
И облака плывут над нами,
Кругом тайга. Тайга и сопки.
И мы среди тайги одни...

Пора нам покидать корзину.
Её снаружи осмотрели
И только молча поразились,
Как уцелеть нам удалось:

Пробоины. И сбоку смята.
Разбита так, что потеряла
Свои былые очертанья —
Как будто это просто хлам...
А шар — вернее, оболочка —
Над нами многоцветьем реет
В ветвях раскинутого кедра —
Победоносно, словно флаг.

...Вот, место приземленья обнаружив,
К нам вертолёт на помощь устремился.
Нас отыскали — мы вдоволь ликуем:
Ведь солнце опускается за сопку,
И через полчаса наступит ночь...

Собрав корзину, оболочку шара,
Всё это в вертолёт мы погрузили —
И сумерки накрыли сопку нашу,
Едва машина поднялась в полёт...

...Во селе Сартакове то было,
Завивались облаками мысли
И неслись через Оку и Волгу
К озеру прекрасному Байкалу.
А теперь от славного Байкала
С его чистой, ледяной водицей
Возвращались мы к себе под Нижний,
Прямо к Князь-Владимиру ключу.

И парили над землёю думы
О раздольях земли родимой,
И летели ветры вслед за нами,
И сарма шумела с баргузином,
Что живой водой жива Россия:
«Берегите, люди, нашу землю,
Все источники, озёра, реки.
Это ваше кровное богатство,
Это вы оставите в наследство
Вашим детям, правнукам и внукам —
Всем землянам будущих времён!»...

Марселю Салимову – 60 лет!

Марсель Салимов с 1973 года трудится в редакции республиканского журнала сатиры и юмора «Хэнэк» («Вилы»), с 1980 года является его главным редактором. Член правления Союза писателей РБ. На протяжении десяти лет был председателем Союза журналистов Башкортостана. Сейчас возглавляет Объединение ветеранов журналистики РБ. Автор более двух десятков книг и первого в башкирской литературе сатирического двухтомника «Пересмешник». Его произведения издавались в Уфе, Москве, Казани, а также за рубежом. Лауреат международного конкурса «Алеко» (1996 год, Болгария), премии Союза журналистов России. Является лауреатом республиканской премии имени Шагита Худайбердина, заслуженным работником культуры РБ. Награжден орденом Дружбы.

Классик советской и российской литературы Сергей Михалков написал о его новой книге: «Сокровенная творческая задача Марселя Салимова: удивлять читателя, помочь ему по-новому взглянуть на многие явления нашей жизни, сделать себя чуточку лучше и великодушнее. Произведения автора учат читателя мыслить, а значит становиться мудрее, зовут к добру, свету, честности и справедливости. Они отличаются актуальностью, поскольку темы для них автор черпает из нашей повседневной реальности. Смех автора всегда социален, ведь его герои взяты из народной жизни».

А вот как отзывался о творчестве Марселя Салимова народный поэт Башкортостана Мустай Карим: «Уже более четверти века я с живым интересом читаю озорные и смешные юморески, с острым умом и языком сатирические произведения Марселя Салимова. Времена меняются, идеалы утрачиваются, но Мар. Салим остается самим собой, только перо его становится острее».

Мар. Салим,
г. Уфа



НА ЧЁМ СТОИТ МИР?

*Мир на любви стоит, конечно!
К родной сторонке. И к семье.
К мужчине. К женщине. К скворечне.
И к ученической скамье.*

*Мир на любви стоит, конечно!
Всему на свете грош цена,
Коль нет любви, сердечной, вечной,
Нас возносящей в стремени.*

*Мир на любви стоит, конечно!
Мы не пойдём на поводу,
Коль будем с нею не бесечны
И не подпустим к ней беду.*

*Мир на любви стоит, конечно!
И потому-то все мужи
Готовы в бой идти крошечный —
Любви великой послужить!*

МОЯ ЗВЕЗДА
*Жемчужом звезды в небе светят.
Вот одна созрела!
Кто на Земле сие заметил?
Нет землянам дела...*

*Как мирозданье, я просторен
И глубок душою.
Я не один в житейском море.
Но согрет — звездой.*

*Свет, согревая, душу лечит;
Лечит чудо светом.
Если звезда вдруг канет в вечность,
Льдистой стану планетой.*

ОСЕННЕЕ ОБЛАКО
*Печально проплывают облака,
Как будто слёзы в них таятся,
Нет светлых дней, не видно их никак,
И нечем нынче любоваться.*

*Сырой земле зачем он, этот дождь?
Коль честно — никакого прока.
А ты обиду за обидой льешь
В меня — подобием потока.*

*Скажу я так: — Хоть осень на дворе,
А облакам не место в доме...
Давай же, вопреки такой поре,
Яви лицо — с улыбкой, молодое!*

БЕРЁЗКА-НЕВЕСТА
*Вот и лето прошло.
И берёзка зелёное платье сняла.
И стоит,
как невеста,
узнавшая прелести свадьбы,
Жениха ожидая, стоит;
и стыдится своей наготы.*

ИСЦЕЛЕНИЕ
*Пока ты жив-здоров и силы вдоволь,
Зачем идти к какому-то врачу?
Но вот тебя согнуло, как подкову,
И ты хрипишь: «В больницу я хочу...»
И мочи нет ещё промолвить слово.*

*Случится ли какая-то обида,
Настигнет ли меня слепой навет,
Я не подам, конечно же, и виду,
Но сердце застучит:
«Нет-нет, нет-нет...»
И вспомню я тебя...
забыл я... стыдно...
И прихожу к тебе...
И ты, как прежде,
Искусно исцеляешь от всего,
А пуще — от обиды, горькой, свежей,
И наполняешь радостью живой
И волею, и благостной надеждой.*

*И вот с тобою, уходя, прощаюсь —
Такой окрепший, зоркий, будто был
Отпущен из больницы я с вещами
В привольный мир,
что дорог мне и мил...
Приду «болеть» с весёлыми очами!*

СТО И ОДНА
*Не зря судили люди обо мне,
Что очень боек я, вidać:
Составил список милых в тишине,
А в нём их целых сто да пять.*

*О, как я жил, спешил, грешил, любил!
И так бездумно... О Аллах!
На сто кусочков сердце я разбил,
Развел чувства в пух и прах.*

*Судачат так... Однако не спеши,
Моя прелестная, мне слать упрёк,
Что я лишён отзывчивой души,
Что на любовь откликнуться б не смог.*

*Взгляни на небо... Сколько звёзд в ночи!
Но ярче звёзд, заметь, Луна.
Давай о прошлом лучше помолчим.
Всех драгоценней Ты. Одна!*

УХОДИШЬ...
*Словно гром среди ясного неба —
Ты уходишь!.. Стою, как в ночи,
Я стою одиноко, нелепо,
Хоть завой, хоть кричи, хоть молчи!*

*От тоски моё сердце пылало б,
Но его ты уносишь с собой.
В мире девушек славных немало,
Но куда... с бессердечной судьбой?*

*Ты уносишь с собой мои руки,
Так ласкавшие ночью и днём...
Мои ноги... томленья раздуки...
И мечты о сыночке моём...*

*И дорогу к цветущему маю...
И свеченье пустынного дня...
Ты подумала: «Вот я бросаю...»
А на деле — уносишь меня!*

ОДНАКО ТЫ СО МНОЙ
*(Из дневника
не желающего стареть поэта)*

*Любимая, желанная моя,
Теперь ты стала не моею...
И верю в это, и не верю я,
Душа забыть тебя не смеет.*

*Проснувшись ночью, маюсь и брожу,
Все думы о тебе, о дальней...
Не ночь, не сон — обрывистая жуть!
Что делать мне в оглохшей спальне?*

*Где годы молодье?.. Я с тобой
Был рядом, а потом — всё реже.
С тобой — другой,
быть может, дорогой,
Но в мыслях ты со мной, как прежде.*

*Со мною рядом верная жена.
Грех жаловаться, не один я.*

**В Правление Союза писателей Республики Башкортостан,
Салимову М. Ш.**

*Уважаемый Марсель Шайнурович!
Правление Союза писателей России поздравляет Вас, видного башкирского писателя-сатирика, с юбилеем. Ваше творчество, Ваш сатирический журнал, Ваш искромётный юмор, Ваша гражданская позиция — всё говорит о Вашем подлинном таланте, о Вашей плодотворной работе.*

Дорогой Марсель Шайнурович, желаем Вам крепкого здоровья, новых творческих свершений, новых читателей и на родном языке, и на языках народов мира.

Рады, что Вы являетесь членом Союза писателей России. Такие таланты, работающие и весёлые люди — стержень нашего творческого сообщества.

По поручению Правления: председатель Союза писателей России Валерий Ганичев, писатели Валентин Распутин, Василий Белов, Станислав Куняев, Геннадий Иванов, Николай Переяслов, Николай Дорошенко

Тема

Накануне съезда Союза писателей России

(Окончание. Начало на стр. 1)

Частнику в его коммерческом проекте нужен только скандал. Ему плевать на то, что где-то в провинции власти, начитавшись литературных сплетен, начинают относиться к своим нищим, о перелачившихся дачах даже не мечтающим, не способным ни воровать, ни врать, писателям с величайшим презрением.

«Мы не с Ерофеевым и не с Поляковым, мы из той организации, где Распутин...» — твердят писатели своим читателям на творческих вечерах, чтобы не сгорать от стыда за всю такую грязную и, к сожалению, только-то и видимую часть современного литературного айсберга.

Потому и к съезду своему мы теперь должны идти, как по минному полю. Чтобы затем не тратить время и средства на суды.

К тому же, скопилось у нас немало собственных, внутрисекторных проблем.

...Когда региональная организация вполне благополучна, то предпочитает она все свои вопросы решать самостоятельно. А когда, например, появляется у неё два центра притяжения и раскалывается она пополам, то сразу у писателей появляется мечта, чтобы приехал из Москвы большой литначальник и своей волей установил «должный порядок».

А на основании чего? В Уставе записано, что руководителя местного писательского отделения писатели выбирают сами, без вмешательства вышестоящей организации. И получается, что если «верхи» действуют по Уставу, значит, остаются они «равнодушными к нуждам и чаяниям» региональных организаций, а если

«верхи» пытаются «наводить должный порядок», значит, нарушают они Устав.

Всё это мы должны будем на съезде обсудить. И, главное, нужно будет принять окончательное решение относительно новообразованных региональных организаций. Мы должны их воспринимать как фракции (пусть даже и имеющие свой юридический адрес) или — как равноправные региональные подразделения?

...Еще одна проблема связана с нашей издательской деятельностью. С одной стороны, по всей России мы издаем чуть ли не сотню газет и журналов, а с другой стороны — у нас нет их общедоступного списка с адресами и телефонами. Около десяти лет назад в «Российском писателе» такой список был опубликован, но он устарел. И вот я прошу всех главных редакторов прислать к нам в редакцию сведения о своих изданиях (наименование, почтовый и электронный адрес, телефон), чтобы мы опубликовали их и затем выставили на сайте «Российского писателя». Это помогло бы писателям преодолеть свою вынужденную разобщенность.

Особая тема — наша цеховая газета «Российский писатель». Вроде бы она предоставляет нам возможность для создания общей творческой атмосферы, для активного творческого общения друг с другом. Но чаще всего авторы, опубликовавшись в газете, затем годами звонят в редакцию, просят прислать им «номерок с публикацией». Вместо того, чтобы один раз самим сходить на почту, да и на газету подписаться.

Мы никому ничего не навязываем. Хочешь — подписывайся, хочешь

— выключив газету по телефону. Но если не поддерживаешь в качестве подписчика свою общеписательскую газету, значит, довольствуешься только теми сплетнями о жизни своего Союза, которые появляются в газетах коммерческих, частных. Значит, не так уж и нужен тебе Союз.

Вроде бы появился у «Российского писателя» зарубежный выпуск, но сами российские писатели настолько безразличны к своей газете, что мы за счет подписчиков до сих пор даже корректора не можем нанять!

Видимо, редакция вынуждена будет в первую очередь работать с теми авторами, которые предъявляют копии квитанции о подписке. Да и газета, авторами которой станут живые души, будет интересней.

...Есть у нас возможность централизовать распространение своей книжной продукции. По всей России и даже за рубежом у нас имеются свои писательские отделения, можно было бы открыть в писательские книжные лавки. Неужели ж не найдется среди нас хотя бы один предприимчивый человек, который бы использовал готовую писательскую структуру для воссоздания единой всероссийской книготорговой сети? Писательские организации, став частью этой сети, смогли бы еще и на жизнь зарабатывать.

Конечно, не так-то просто вернуть читателям интерес к некоммерческой литературе. Где-то в Красноярке любители поэзии, может быть, уже и не знают, что в городе Тольятти есть замечательный поэт Евгений Чепурных, а в Орле — блистательная Ирина Семенова. Но ведь и никогда не узнают, если мы сами об этом не позаботимся.

...На пленуме выступил Марат Каландаров, президент Международной ассоциации писателей и публицистов, объединяющей наших пишущих зарубежных соотечественников в сорока странах мира. Все эти соотечественники тянутся к нашему Союзу. Для творческой судьбы писателей, оторванных от родной почвы, наш Союз — все равно что свет в конце тоннеля. Может быть, предоставить зарубежным русскоязычным писательским организациям право рекомендации своих членов для приема в наш Союз?

Это расширило бы и наши возможности. Например, выпуск зарубежного издания «Российского писателя» полностью взял на себя Марат Каландаров. Да и сами по себе русскоязычные зарубежные писатели очень активны. Они регулярно проводят литературные фестивали, у них есть собственная периодика. Да и привычку читать друг-друга они не утратили. Например, только в Риге и Вильнюсе мне пришлось выступать не только в качестве главного редактора, но и в качестве хорошо известного прозаика. Хотя, всего лишь пару раз опубликовался в журнале «Настоящее время», издаваемом МАППом.

...Поэт Михаил Колбасов предложил открыть на нашем писательском сайте страничку «Биржи труда» для писателей, способных выполнять работу литработчиков и редакторов. Поскольку при современной электронной связи можно получить заказ в любом московском издательстве или журнале, не выезжая из Саратова или Самары.

Сам я не решаюсь судить о перспективности такой биржи. Но если она нужна — мы её откроем.

...Многие хотят, чтобы председа-

Но ты — во мне звучащая струна;
Тебе — словесные картины.

ДУША В ДУШУ
*Век за веком — рядом; вместе
Создавали общий лад.
Стал сосед соседом тесней,
Сват для свата, будто брат.*

*Этот женится на русской
И безмерно рад тому:
Было в доме серо, тускло,
Будет солнышко в дому!*

*Ласки ей!.. Свои удачи!
И зарплату — до гроша!
Ну а веру примет... Значит,
Называет: «Моя душа»*

*Есть завет старинный, точный:
Кровь любовью обновил!
Отдал русский в жёны дочку —
Ты своим его зови.*

*О вражде у нас не слышно;
Да кому она нужна!
Это очень славно вышло:
Мир да лад, семья одна!*

*Русским жёнам честь и слава,
И великая хвала!
Сколько же детишек, право,
Та ли, эта родила!..*

*Пополнение в России —
Каждый день и каждый год.
Вместе мы — большая сила,
Вместе мы — большой народ!*

*От башкирок и от русских —
Пополнение в новый мир!
Надо ль превалятся грусти?..
Ты, башкир, всегда — башкир.*

С башкирского перевёл
Иван ТЕРТЫЧНЫЙ

тель нашего Союза ездил по стране и налаживал связи между местными писательскими организациями и местными властями. Я тоже по стране езжу. И вижу, что администрация готова встречаться с московскими гостями лишь в тех городах, где местные писатели очень активны, где они стремятся выступать в клубах и школах, в библиотеках и на общегородских праздниках.

Да, есть у нас области нищие, есть у нас местные администрации, которые считают, что культура достаточно Киркорова с Моисеевым.

Но всё дело в том, что и клубам, и школам, и библиотекам какие-то деньги из местного бюджета на разного рода мероприятия все-таки выделяются. И если сами писатели не освоят хотя бы часть бюджета местного департамента культуры, то Киркоров дремать не будет, придет и за раз всё из бюджета выребет.

Что касается перенесения «опыта» регионов, где писатели процветают, на регионы, где писатели бедствуют, то тут надо отдавать себе отчет в одном: власти не имеют права использовать бюджетные средства на нужды общественных организаций. Но власти могут выделить гранты на некие, предложенные писателями, культурные проекты.

Помню, как один из поэтов приехал ко мне с идеей издать для области школьный дневник, где кроме таблицы умножения будет еще и местное краеведческое, историко-культурное и прочее наполнение. Мы написали письмо в областную администрацию, она деньги выделила очень даже охотно. И дело пошло...

...До съезда осталось слишком мало времени, чтобы уже сейчас начать думать, какие изменения нужны в нести в Устав, какие болевые вопросы на съезде надо обсудить. Пишите, делитесь своими мыслями и предложениями. Мы ждем!



Лидия Александровна ДУМЦЕВА

1. Родители отца Лидии Думцевой. 1913 г.
2. Бабушка по материнской линии, Дарья Михайловна Кузнецова.
3. Дед по материнской линии, Георгиевский кавалер Илларион Иванович Капустин.
4. Шмаковы Александр Георгиевич и Зинаида Илларионовна, родители Л. Думцевой.
5. Это фото Лиды Думцевой украшало витрину фотоателье в Ленинграде.
6. С братом Виталием.
7. Поэт Владимир Котов и его жена Лидия Думцева.
8. Во время выступления В. Котова в Зеленом театре парка им. Горького. 1972г.
9. Вечер, посвященный памяти В. Котова.
10. Актер Алексей Гуськов, Лидия Думцева и режиссер Иван Соловов - президент кинокомпании «Ментор Синема».
11. 2008 г. С режиссером Александром Стефановичем.
12. На творческом вечере Татьяны Глушковой.
13. С Президентом Академии поэзии, поэтом Валентином Устиновым.
14. У могилы Ивана Бунина на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа в Париже.
15. С одноклассниками.
16. С М. Замотиной, О. Победовой, С. Лёном и мужем Владимиром Климовым - оператором-постановщиком киностудии «Мосфильм», заслуженным деятелем искусств, народным артистом России.
17. С меценатом Алимжаном Тохтахуновым.
18. Актриса Лидия Вележева, Лидия Думцева и режиссер Александр Митта.
19. Лидия Думцева. 2008 год.
20. С актером Валерием Бариновым.
21. С кинорежиссером Кареном Шахназаровым.
22. 1981 год. Город Нитра (Чехословакия). С переводчицей книги Л. Думцевой Либушей Грабовски и ее мужем.
23. Лидия Думцева, актриса Ирина Розанова и кинорежиссер Бахтиер Худойназаров.
24. На вручении Золотой медали им. Плевако Михаилу Гофштейну (в центре), вице-президенту Международного содружества адвокатов и Московской областной палаты адвокатов.
25. С актрисой Анной Михалковой.
26. На даче у писателя Михаила Алексева.



ИМПЕРСКАЯ КУЛЬТУРА

По уже установившейся традиции в праздник Богоявления состоялась церемония вручения премии «Имперская культура» им. Эдуарда Володина за 2008 год.

(Окончание. Начало на стр. 1)
 В работе Комиссии по присуждению премии «Имперская культура» имени профессора Эдуарда Володина приняли участие председатель Союза писателей России В. Н. Ганичев (председатель Комиссии), депутат Государственной Думы РФ С. А. Гаврилов, председатель Общественного движения «Гренадеры, вперед!» В. И. Гаврилов, председатель Совета директоров ИИПК «Ихтиос» С. В. Исаков, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. Горького В. М. Гуминский, критик и литературовед А. В. Фоменко, председатель Художественного фонда «Бородино» В. А. Лапкин, председатель Фонда святителя Иоанна Златоуста В. В. Володин, кандидат филологических наук Г. С. Баранкова, доктор филологических наук, профессор С. А. Небольсин, доктор философских наук, профессор Ю. П. Буданцев, главный редактор журнала «О Русская земля» М. В. Ганичева, главный редактор журнала «Новая книга России» С. И. Котьяло, главный редактор газеты «Российский писатель» Н. И. Дорошенко, доктор исторических наук И. Т. Янин, доктор технических наук, профессор С. И. Кузнецов, доктор экономических наук И. И. Янин, доктор юридических наук А. Н. Яковенко.
 По результатам работы Комиссии лауреатами премии «Имперская культура» за 2008 год были названы:

«ПОЭЗИЯ»:

Николай Рачков (г. Санкт-Петербург) за утверждение державного, имперского духа в обществе и отечественной литературе.
Александр Неструин (г. Воронеж) за чувство великой Родины в поэзии.
Ирина Семёнова (г. Орел) за поэму «Командор».
Елизавета Иванникова (г. Волгоград) за поэму «Сталинградская сирень».

«ПРОЗА»:

Валерий Исаев (г. Москва) за книгу «Березницкие брехни».
Владимир Еременко (Черкассы) за роман «Gimagnis»
Валерий Шелегов (Красноярский край) за книгу «Луна в Водолее»
Дмитрий Епишин (г. Москва) за книгу «Альфа и Омега».

«ДРАМАТУРГИЯ»:

Архимандрит Тихон (Шевкунов) (г. Москва) за фильм «Гибель империи. Византийский урок».
Юрий Назаров (г. Москва) за утверждение русского слова на радио и в кино.
Татьяна Доронина (г. Москва) за утверждение русского слова в театре и кино.
Фадд Симфоров (г. Москва) за создание проекта «Тайны забытых побед».

«ПУБЛИЦИСТИКА»:

Зураб Чавчавадзе (г. Москва) за статьи и очерки о русских людях и русской культуре.
Владимир Ворошилин (г. Николаев) за очерки о русских людях и русской истории.

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА»:

Михаил Кодин (г. Москва) за книгу «Поверженная держава».

«ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»:

Нина Ильинская (г. Херсон) за книгу «Между миром и Богом: духовные и художественные искания Ю. Кузнецова».
Михаил Шелехов (г. Минск) за исследование творчества Пушкина и Тютчева.

«КРИТИКА»:

Олег Дороган (г. Смоленск) за пропаганду русского художественного слова в книгах и статьях.
Марк Любомуров (г. Санкт-Петербург)

за пропаганду русского художественного театра в книгах и статьях.

«ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ»:
Протоиерей Михаил Малеев (г. Москва) за книгу «Подвижники XX века».

«ДЕТСКАЯ КНИГА»:

Иван Чуркин (г. Саров) за рассказы для детей.

«СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА»:
Николай Скатов (г. Санкт-Петербург)

за подготовку и издание библиографического словаря «Русская литература XX века».

Леонид Степачков (г. Смоленск) за подготовку и издание библиографического указателя «Смоленская епархия».

«СЛАВЯНСКОЕ БРАТСТВО»:

Радован Караджич (г. Белград) за мужество, верность и стойкость в служении единству православных славянских народов.
Ратко Младич (г. Белград) за мужество, верность и стойкость в служении единству православных славянских народов.

жество, верность и стойкость в служении единству православных славянских народов.

«НАУКА»:

Олег Инишков (г. Волгоград) за создание серии «Война и мир в судьбах ученых-экономистов»

Людмила Кольцова (г. Воронеж) за неустанную заботу и защиту русской национальной школы, русского языка и литературы.

Галина Егорова (г. Волгоград) за неустанную заботу и защиту русского языка и создание музея русского языка имени Академика О. Н. Трубачева.

«СОБЫТИЯ. ПОДВИГИ. ЛЮДИ»:

Владимир Детков (г. Курск) за служение русской литературе.
Владимир Овчинцев (г. Волгоград) за служение русской литературе.
Анастасия Заволокина (г. Новосибирск) за проявление мужества и стойкости в достижении цели.
Вера Гринько (г. Нижний Новгород) за служение русской культуре.

«ИСТОРИЯ»:

Иван Дронов (Московская обл.) за книгу «Россия без капитализма».
Алексей Налепин (г. Москва) за издание альманаха «Российский архив».

«МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО»:

Федор Тарасов (г. Москва) за создание песенного образа России.
Константин Кичев (г. Москва) за создание песенного образа борца за Россию.

«ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО»:

Сергей и Алексей Ткачевы (г. Москва) за утверждение державной традиции в русском изобразительном искусстве.
Дмитрий Нечитайло (г. Москва) за альбом «Украшено украшена земля Русская».
Анатолий Rogov (г. Москва) за книгу «Кустодиевские масленицы».
Петр Казачук (г. Москва) за создание серии «Дети России».

СПЕЦИАЛЬНЫМ ДИПЛОМОМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ отмечены:

Орловская детская школа изобразительных искусств и народных ремесел (г. Орел) за любовь к детям и верность традиции.
Детская школа искусств имени Аркадия Пластова (п. Карсуи, Ульяновской обл.) за любовь к детям и верность традиции.
Спасо-Яковлевский Дмитриев монастырь за просветительскую деятельность и издание книги «Святитель Дмитрий, митрополит Ростовский».
Издательство «Вешние воды» за просветительскую деятельность и издание книги «Мир, в котором я живу».
Валентин Орлов (г. Москва) за служение детям, русской истории и литературе.
Дмитрий Малышев (г. Москва) за служение детям, русской истории и литературе.
Михаил Носов (г. Новокуйбышевск, Самарской обл.) за просветительскую деятельность и книгу «Записки книгогочя».



Газета писателей России «Российский писатель» зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, информации, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
 Свидетельство о регистрации № 106 от 30.06.2000

Подписной индекс в справочнике «Роспечати»:
на полугодие – 35651,
на год – 19655

Учредитель – Союз писателей России.
 Издатель – АНО Редакционно-издательский Дом «Российский писатель»

Главный редактор – Николай ДОРОШЕНКО,
 зам. гл. редактора – Леонид КУТЫРЁВ-ТРАПЕЗНИКОВ

Редакционный совет:

Лариса БАРАНОВА-ГОНЧЕНКО, Валерий ГАНИЧЕВ, Геннадий ИВАНОВ,
 Марат КАЛАНДАРОВ (г. Рига), Станислав КУНЯЕВ, Михаил ЛОБАНОВ,
 Юрий ЛОПУСОВ, Владимир МАСАЛОВ, Ямил МУСТАФИН,
 Анатолий ПАРПАРА, Геннадий ПОПОВ (г. Орел), Михаил ПОПОВ,
 Владимир СЕРЕДИН, Виктор СМЕРНОВ (г. Смоленск),
 Светлана СЫРНЕВА (г. Киров), Алексей ШОРОХОВ,
 Семен ШУРТАКОВ, Игорь ЯНИН

Рукописи не рецензируются и не возвращаются
 Адрес редакции:

119146, Москва, Комсомольский пр-кт, 13
 Тел./факс **246-58-43**. E-mail: sp@rospisatel.ru
 Тираж по Москве 1000 экз., по России – 2000 экз.,
 зарубежный выпуск – 1000 экз.

Отпечатано в ООО «РОСПРИНТ»
 с готовых оригинал-макетов.
 Заказ №